

Войны Древней Руси

Валерий Шамбаров

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

и другие войны
Ивана Грозного

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Взятие Казани и другие войны Ивана Грозного
Серия «Войны Древней Руси»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6714771

Взятие Казани и другие войны Ивана Грозного / Валерий Шамбаров.: Алгоритм; Москва; 2014

ISBN 978-5-4438-0792-8

Аннотация

Первый русский царь Иван IV Васильевич взошел на престол в тяжелое для страны время. С юга России угрожали Крымское ханство и Османская империя, с запада – Польша и Литва, Швеция и Ливонский орден. С востока на русскую землю совершали набеги казанцы. Царю удалось справиться с вызовом враждебных государств. В 1552 году была взята штурмом Казань, два года спустя в состав русского государства вошло Астраханское царство. В 1561 году прекратил свое существование Ливонский орден, более 300 лет угрожавший северо-западной Руси. В сражениях с врагами Русь выстояла и приумножила свою территорию, присоединив Северный Кавказ, Ногайскую орду и Сибирское царство. А первый царь Иван IV за победу над врагами получил от народа прозвище «Грозный» – для врагов Отечества.

О славных и героических страницах русской истории XVI века новая книга известного современного писателя Валерия Шамбарова.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	14
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерий Евгеньевич Шамбаров

Взятие Казани и другие войны Ивана Грозного

Предисловие Русь в кольце врагов

В 1454 г. пало последнее независимое православное государство – Византия: в наказание за неумную политику и интриги Мухаммед II осадил и взял штурмом Константинополь, и на месте исчезнувшей империи раскинулась другая, Османская.

Однако в это же время стало усиливаться другое православное государство, Русь. Дед Ивана Грозного, Иван III Васильевич, стал объединителем и собирателем великой державы. Новгород, эпицентр сепаратистских тенденций, пытался сопротивляться, решил передаться под власть Литвы. Но Иван III в нескольких походах покорил его. Утратили суверенитет и слились с единой Русью Пермь, Вятка, Тверь. Сохранили формальное самоуправление, но фактически попали в зависимость от Москвы Псков и Рязань.

А в 1472 г. великий князь сосватал Софью Палеолог, племянницу последнего императора Византии, после турецкого завоевания жившую в Риме. Идею брака с энтузиазмом подхватил папа Сикст IV, который увидел в нем средство вовлечь Россию во Флорентийскую унию. С Софьей был отправлен в Москву римский легат, который должен был «заблуждающимся указать путь истинный». Но такого «приданого» Иван Васильевич не принял. Легату в России развернуться не позволили и вежливоенько спровадили назад. Да и Софью не очень-то прельщала роль папской «тройной лошадки» – разве не лучше было стать полноправной государыней Руси? На новой родине она стала искренней и ревностной почитательницей Православия. А Иван III таким образом породнился с угасшей императорской династией и ввел в свой герб византийского двуглавого орла – наряду с прежним гербом, изображавшим св. Георгия Победоносца.

Возвышению Руси способствовал и распад Золотой Орды. Ее уже полтора века раздирали склоки между различными группировками татарской знати. От Большой (Сарайской) Орды отпали Казанское, Крымское, Астраханское ханства, несколько ногайских орд. В этой обстановке Иван III повел мудрую политику и заключил союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, воевавшим против Сарая. А вскоре Крым приобрел еще более сильного покровителя. Когда сарайские татары учинили набег, разгромив крымских, Менгли-Гирей бежал к туркам и признал себя подданным султана. В 1475 г. в Крым прибыла османская экспедиция, восстановила хана на престоле, а заодно овладела генуэзскими и последними византийскими городами.

Русским союз с Менгли-Гиреем помог сбросить остатки зависимости от Орды. Решающее столкновение произошло в 1480 г. Хан Ахмат договорился с поляками и литовцами о совместном походе на Москву. Однако крымцы произвел набег на Украину, не позво-

лив королю Казимиру прислать войска. Полчища Ахмата были остановлены нашими ратниками в боях на Угре. А татары Менгли-Гирея вместе с присланными к ним царскими отрядами и казаками ударили по тылам врага, на Сарай. Ахмату пришлось поспешно отступить, вскоре он был разгромлен и убит ногайцами. Дед Ивана Грозного впервые сумел отодвинуть на запад границу с Литвой. К началу его правления она пролегла совсем близко от Москвы, за Можайском. Великое княжество Литовское было весьма серьезным противником, имело сильных союзников – Польшу, Большую Орду, Ливонский орден. Но и Русь проявила свою силу и воинское мастерство. У Литвы удалось отобрать Вязьму, Дорогобуж, Брянск, Козельск, Белев, Тарусу и еще два десятка городов. Под власть Москвы перешли со своими землями черниговские, северские, стародубские, рыльские князья.

Печать Великого князя Московского и всея Руси Ивана III Васильевича. Прорись А.Г. Силаева

Иван III предпринял и первую войну за выход к Балтике. Вся торговлю на этом море монополизировала Ганза, не желавшая допускать конкурентов на европейские рынки. Когда на р. Нарове был построен порт Ивангород и русские суда вышли в море, их стали перехватывать, грабить и топить. В Ревеле (Таллине) наших купцов зверски казнили – сжигали, варили в котлах. После нескольких таких случаев Иван Васильевич изгнал ганзейцев из Новгорода и начал против них войну, заключив союз с Данией. Сражаться опять пришлось против целой коалиции. Вместе с Ганзой выступили Ливонский орден и Швеция – пытавшаяся отделиться от Дании. Но борьба завершилась «вничью». Шведы, потерпев ряд поражений, сочли за лучшее покориться датскому королю. Он, нарушив договор с Россией, вышел из войны. После чего и Иван III не стал продолжать ее. Но все же был достигнут важный результат – русские получили разрешение на свободную торговлю в скандинавских странах.

Восточными соседями Руси были Казанское и Астраханское ханства. Столицы этих государств были крупными и богатыми городами, центрами транзитной торговли со Средней Азией и Персией. Но сами ханства были не похожи друг на друга. В Астраханском правили потомки властителей Золотой Орды, враждовавшие с крымскими Гиреями. Их ханство было слабым и для войн привлекало ногайцев, кочевавших в волго-уральских степях. Хотя ногайцы жили сами по себе, у них были свои князья, и союзы с ними были делом ненадежным и опасным. Они всюду грабили купцов на степных дорогах и на Волге, а под настроение нападали на саму Астрахань.

Обширное Казанское ханство охватывало значительную часть Поволжья и Урала, его населяли много разных племен – татары, черемисы (марийцы), чуваша, удмурты, башкиры, вотяки и другие племена. В этом государстве существовали пророссийская и антироссийская партии, но такое деление было, в общем-то, условным. Большинство вельмож, определявших политику ханства, хитрило и двурушничало. «Дружба» с русскими заключалась в том, чтобы избегать ударов московских полков. Но если предоставлялась возможность напасть и пограбить, то почему бы и нет?

Чтобы обезопасить Русь от набегов, великий князь предпринял несколько походов на агрессивное Казанское ханство. В 1487 г. царские войска взяли штурмом Казань, пленили царя Али-хана и возвели на престол Мехмет-Амина, признавшего себя вассалом Москвы. Воеводы Ивана Васильевича совершали и рейды в Сибирь. Привели «под государеву руку» племена по Оби и Иртышу. Но это подданство осталось чисто формальным, ограничилось присягой местных вождей и единовременным сбором дани. Да и победа над Казанью оказалась непрочной. В 1504 г. Мехмет-Амин изменил, вырезал русских купцов, приехавших на ежегодную ярмарку, и возобновил набеги.

* * *

27 октября 1505 г. государь всея Руси Иван III Васильевич отошел в мир иной. На престол вззошел сын Василий III Иоаннович.

Василию III пришлось воевать не меньше, чем его отцу. Пока на троне был Иван III, побежденная Литва опасалась задираться, этому способствовал и брак короля Александра с дочерью русского государя Еленой. Но как только победитель умер, паны осмелели, принялись требовать, чтобы русские возвратили все завоевания, предъявили претензии даже на Псков и Новгород – поскольку новгородцы в свое время признали себя королевскими подданными. А в 1506 г. скончался король, которого жена хоть как-то удерживала от неосмотрительных шагов. Паны и католическая верхушка передали корону брату Александра Сигизмунду и литовские отряды ринулись на Русь. Жгли села, угоняли людей. Василий III в ответ направил свои рати, началась война.

Но главной неприятностью для России стало то, что на этот раз ей пришлось воевать не только с литовцами. Крымский хан Менгли-Гирей состарился, болел и фактически утратил власть. А его сыновья продолжать союзничество с русскими не собирались. Их обрабатывали литовские дипломаты, Сигизмунд согласился платить ежегодную дань в 15 тыс. золотых, чтобы они нападали на московские земли.

Еще при жизни Менгли-Гирея загоны крымских царевичей принялись тревожить рязанские, черниговские, тульские края. А после его смерти ханом стал Мехмет-Гирей. И повел он себя нагло и высокомерно. Объявил, что крымцы унаследовали власть ордынских ханов и вправе распоряжаться на Руси. Потребовал от Василия III платить дань, отдать Сигизмунду не только Смоленск, но и Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль. Татарская конница приохотилась каждое лето налетать на южные русские области. Василию III приходилось отвлекать войска для прикрытия южных рубежей, а это не позволяло добиться решительного успеха в сражениях на западе.

А в затянувшуюся войну начали вмешиваться другие державы. Литовцам взялись помогать поляки, чешские и венгерские родственники Сигизмунда. В свою очередь и Россия искала союзников. Одним из них стала Дания. Другим союзником Руси выступил Тевтонский орден. Он решил сбросить зависимость от Польши, и магистр Альбрехт Бранденбургский обратился за помощью к великому князю. Но выяснилось, что орден слишком слаб, сами рыцари были уже не способны воевать и просили денег, чтобы набрать наемников. Тем не менее, Василий III послал им некоторую сумму, и Сигизмунд получил второй фронт.

Но и положение России внезапно усугубилось, она получила удар в спину. В Казани умер хан Мехмет-Амин, и Василий Иванович возвел на престол своего ставленника Шаха-Али. Но крымский Мехмет-Гирей организовал тайную операцию. В Казани активно действовала его агентура, составилась заговор. В 1521 г. крымский хан прислал своего брата Сахиб-Гирея с войском, и в городе произошел переворот. Шаха-Али изгнали, Сахиб-Гирея объявили ханом. И тут же, пока Москва не опомнилась, крымцы и казанцы с двух сторон вторглись на Русь. Поучаствовал и Сигизмунд, направил к Мехмет-Гирею литовские части и отряд казаков Дашковича. Великий князь спешно собрал на Оке войско, поручив командование своему брату Андрею Старицкому и Дмитрию Вельскому. Но они действовали отвратительно, расположили полки кое-как, а при натиске татар первыми побежали.

Армия была разбита, крымский и казанский ханы соединились под Коломной и двинулись на Москву. Василий III выехал в Волоколамск собирать войска, отзывая их с литовского фронта.

Татары обложили город, ханы остановились в царском селе Воробьево, любуясь с высот на лежащую перед ними Москву. Тех, кто сунулся к Кремлю, остановила русская артиллерия. Но обнаружилось, что к осаде город не готов, в нем было мало пороха, продовольствия, и бояре выслали к Мехмет-Гирею делегацию с богатыми дарами. Хан тоже не хотел осаждать сильную крепость. Понимал, что это приведет к большим потерям, а тем временем подойдет великий князь с ратью и дело может плохо кончиться. Поэтому он удовлетворился дарами, но вдобавок потребовал, чтобы Василий III признал себя данником Крыма. Бояре без ведома государя поспешили выдать такую грамоту скрепив ее великокняжеской печатью.

После этого нашествия Василий Иванович пришел к выводу что продолжать войну на несколько фронтов нельзя. Предложил Сигизмунду возобновить переговоры. Состояние Литвы было плачевным, за 9 лет войны она была совершенно разорена, и 25 декабря 1522 г. было заключено перемирие. Смоленск остался за Россией. Высвободившиеся силы великий князь нацелил против татар. Казань и Крым теперь действовали вместе. Два хана возгордились, объявляли себя победителями России. Мехмет-Гирей переманил на свою сторону и Ногайскую орду и в 1523 г. вместе с ней захватил Астрахань. Три ханства объединились – казалось, возрождается Золотая Орда! Когда Сахиб-Гирей узнал о взятии Астрахани, он так возбудился, что приказал убить приехавшего к нему московского посла и всех русских купцов, находившихся в Казани, – счел, что при таком могуществе с Россией можно уже не считаться.

Но торжество оказалось очень коротким. Позарившись на астраханскую добычу, союзники-ногайцы ночью напали на крымцев, зарезали Мехмет-Гирея и многих его воинов, а потом совершили набег на Крым. А Василий III не преминул воспользоваться моментом и направил армию на Казань. Русские полки лишь прошли по неприятельской земле, разоряя ее в наказание за набеги. К столице ханства пока подступать не стали, зато заложили Васильгород на р. Суре (Васильсурск). Крепость стала форпостом для наблюдения за неприятелем, базой для последующих действий. Их было нетрудно предвидеть, и Сахиб-Гирей перепугался. На помощь Крыма теперь рассчитывать не приходилось, и он обратился напрямую в Стамбул. Объявил, что отдает ханство в подданство султану.

А в 1524 г. состоялся еще один русский поход на Казань. Теперь войска осадили сам город. Сахиб-Гирей сбежал в Крым. Казанцев это возмутило, они заявили, что такого хана знать не желают, и провозгласили царем его племянника Сафа-Гирея. Попытались было обороняться, но русская артиллерия открыла бомбардировку, крушила стены. Защитники запросили мира. Ходили слухи, что при этом воеводы во главе с Иваном Вельским были подкуплены, и они сняли осаду. Удовлетворились тем, что казанцы принесли присягу сохранять верность Москве, и Сафа-Гирей признал себя вассалом великого князя.

Но вскоре отношения с Казанью опять обострились. Хан Сафа-Гирей очень быстро нарушил клятву верности Москве. При его дворе появились крымские вельможи, а сторонников мира с Россией он из своего окружения выгнал. Женился на дочери ногайского князя, получив от него 30 тыс. воинов, и начал открыто готовиться к нападению.

Для начала Василий III сделал весьма мудрый ход, запретив своим купцам ездить в Казань. Хватит уже, их дважды там резали. К тому же транзитная торговля была главным источником ханского бюджета, и великий князь лишил его доходов. А вместо этого учредил собственную ярмарку, у монастыря св. Макария Унженского под Нижним Новгородом. Пусть восточные купцы везут товары сюда и платят пошлины в русскую казну. Отсюда, кстати, начались знаменитые Макарьевские ярмарки.

А летом 1530 г. на Казань выступило русское войско. Сафа-Гирей успел подготовиться к схватке, значительно усилил городские укрепления, пришлось вести трудную осаду. Среди полководцев Василия III особенно выделялся князь Иван Оболенский-Телепнев по прозвищу Овчина. Под Казанью он командовал передовым полком, обнаружил, что защитники ночью заснули, поднял своих ратников. Воины тихо подобрались к деревянным стенам, подложили соломы, подожгли их и с криками ворвались в город. Возникла паника. Сафа-Гирей, узнав, что русские уже в Казани, ускакал на коне. Телепнев-Овчина погнался за ним с небольшим отрядом, но настичь хана не сумел.

А главные воеводы Вельский, Горбатый, Кубенский штурм не поддержали. Мало того, в ночной суматохе они допустили нападение черемисов, захвативших русский обоз и 70 пушек. После этого Вельский вступил в переговоры и точно так же, как в прошлом походе, согласился снять осаду, если Сафа-Гирей подтвердит присягу великому князю. Современники подозревали, что казанцы опять «подмазали» воеводу. Василий III встретил его гневом, грозил суровым наказанием. Но... родился наследник. И Вельский был прощен вместе с другими опальными.

А Сафа-Гирей соблюдать мир вовсе не собирался. Как только ушли государевы войска, он осмелел, отказался подписать договор, вернуть пушки и пленных. Бесчестил послов великого князя, призывал убивать русских. Но это возмутило самих казанцев. Они понимали, что Василий III не остановится перед повторением удара. А ханство было разорено, у многих жителей русские захватили в плен родственников – получалось, что хан не думает об их судьбе. Москва на этом сыграла, поддержала недовольных. В результате в Казани произошел мятеж, крымцев с ногайцами перебили или изгнали, Сафа-Гирей бежал в Крым. А великий князь после переговоров возвел на казанский трон служилого татарского царевича Джан-Али.

В 1532 г. на Русь хлынули крымцы. Причем произошло это в неожиданное время. На исходе был август, Василий III собирался на охоту в Волоколамск. А надо сказать, что великокняжеские охоты отнюдь не были пустой забавой. Это был отпуск государей. Выезжали на них осенью как раз из-за того, что исчезала опасность татарских набегов, кончалась горячка других летних дел. Охоты верхом, на свежем воздухе позволяли укрепить здоровье перед зимой, когда придется подолгу находиться в закрытых помещениях. Великие князья отправлялись в путь со всем двором, дружинами – охоты были и воинскими тренировками, сплачивали людей, помогали выявить их качества. Но они были и просто красивы, великий князь и его приближенные могли полноценно отдохнуть и порадоваться жизни. Русские государи любили соколиные охоты, Василий III предпочитал псовые.

Двор уже находился в ожидании, шли сборы – и вдруг поступили донесения, что орда подступила к Рязани, сожгла посад и была отбита при штурме города. Великий князь отреагировал мгновенно. Приказал боярам готовить Москву к осаде, жителям – уходить в Кремль. А сам выехал в Коломну, выдвигая войска навстречу неприятелю. Отряды конницы были высланы за Оку вести разведку и добыть «языков». Далеко идти им не пришлось. Князь

Палецкий столкнулся с татарским загоном и разгромил его. А Телепнев-Овчина с московскими дворянами обнаружил авангарды врага у Зарайска. Атаковал, обратил в бегство, многих порубил и потопил в р. Осетр. В преследовании его отряд нарвался на главные силы крымцев, но храбро принял сражение и сумел отбиться от многократно превосходящего противника. А татары сочли, что за Телепневым идет вся рать Василия III, и повернули назад, в степи. Однако освободить пленников не удалось, и Сахиб-Гирей хвастался, что угнал не менее ста тысяч невольников.

Чтобы предотвратить подобные бедствия в будущем, было решено строить засечные черты. В лесах рубились завалы из деревьев. На открытых местах копались рвы, насыпались валы с палисадом. Эти системы оборудовались на огромном пространстве: от Рязани к Веневу, Туле, Одоеву и до Козельска. Конечно, прикрыть такую протяженность войсками было невозможно. Но расчет строился на том, что засеки станут препятствием для конных масс. Татарам потребуется задержаться, чтобы устроить проход. Набег потеряет внезапность, к угрожаемому участку можно подтянуть рати. На обратном пути такие системы тоже приостановят врага, это позволит отбить полон. А наблюдать за чертами и предупреждать об опасности должны были рязанские, мещерские казаки и прочие приграничные жители.

Следующий год выдался спокойным. Татары не наведывались, дела шли успешно. 25 сентября, день памяти св. Сергия Радонежского, государь со всей семьей провел в Троице-Сергиевом монастыре. Вместе молились, прикладывались к гробнице преподобного.

После праздника распрощались – Василий III поехал в Волоколамск на охоту, не удавшуюся в прошлом году. Но вскоре у него обнаружился нарыв на бедре. Великий князь какое-то время пытался терпеть, не обращать внимания. Однако нарыв был болезненным, и призвали иностранных докторов Люева и Феофила. Хотя стоит отметить, что европейская медицинская наука пребывала еще в зачаточном состоянии. Полезные знания мешались с суевериями, наряду с лекарственными растениями применялась всякая гадость. Западные врачи и своих-то монархов нередко спроваживали на тот свет, и их называли «помощниками смерти». А насчет стерильности вообще не имели понятия. При лечении Василия Ивановича в рану занесли заразу, началось воспаление.

Раз за разом выпускали гной, но болезнь прогрессировала. Государю становилось все хуже, и наконец он понял, что ему не выкарабкаться. Он был сильным и мужественным человеком, стойко переносил жесточайшие страдания. И приближение смерти воспринял как истинный православный человек. Но душа его была не спокойна. Совсем не спокойна. Он не был уверен в своем собственном окружении! Князья и бояре демонстрировали верность, пока он был в силе, но как они себя поведут без него? Василий Иванович очень сомневался в них.

Откуда это известно? Конечно, ни один источник не зафиксировал мыслей великого князя. И все же летописи сохранили однозначные доказательства: государь знал или подозревал, что среди его приближенных есть скрытые враги. Посудите сами: с Василием III в Волоколамске находились брат Андрей Старицкий, князья Вельский, Шуйский, Кубенский, но государь скрывал от них свое состояние! Вызвал вдруг к себе Михаила Глинского. А ведь он после освобождения из тюрьмы оставался на вторых ролях, не занимал важных постов. Видимо, теперь великий князь счел, что близкий родственник жены не предаст.

Василий III отправил в Москву стряпчего Мансурова и дьяка Путятину – привезти завещания своего отца и деда. Но опять же, отправил тайно, об этом знал лишь ближайший доверенный государя – Шигона. А самим Мансурову и Путятину запрещалось разглашать цель поездки. Однако правда все же просачивалась. Ее откуда-то узнал Юрий Дмитровский. Он сразу же поспешил к брату, но великий князь почему-то не пожелал, чтобы он находился рядом. Заверил его, что выздоравливает, и отослал обратно. Хотя на самом деле он был уже обречен и знал это. Велел везти себя в столицу.

Лед на Москве-реке был еще тонким, для Василия Ивановича навели мост, но делали наспех, и он провалился. Дворяне из свиты сумели обрубить гужи лошадей и удержали на руках сани с больным. А государь запретил наказывать строителей. Последний акт трагедии разыгрался в Кремле. Сразу же только-только принесенный в свои покои великий князь собрал у постели митрополита Даниила, бояр и велел дьякам составлять новое завещание. Составлять при всех! Очевидно, чтобы его не могли оспаривать. Наследником назначался сын Иван, до пятнадцатилетнего возраста он должен был находиться на попечении матери и опекунского совета.

Василий Иванович изнемогал, но 3 декабря, чувствуя скорый конец, опять собрал бояр, четыре часа говорил с ними о предстоящем правлении. А троицкого игумена Иоасафа просил: «Отче, молись за государство, за моего сына и за бедную мать его... молитесь о младенце государе!» И лишь после того, как были обсуждены все дела, Василий III велел привести сына и жену. Ивана принес на руках Иван Глинский, брат государыни, отец благословил наследника крестом св. Петра. Елену привели под руки. Она, разумеется, знала, что муж умирает. Билась в истерике – а Василий даже нашел в себе силы успокаивать ее, уверял, что чувствует себя лучше. Но мамке Аграфене Челядниной великий князь приказывал «ни пяди не отходить» от ребенка. Он боялся за наследника... Елена хотела остаться с мужем до конца, но он понимал, насколько это будет тяжело, жалел ее и приказал уйти.

Еще раньше государь принял решение перед кончиной постричься в монахи, и сейчас для этого пришла пора. Он ненадолго забылся, а когда проснулся, стал рассказывать, что ему явилась св. великомученица Екатерина. Принесли ее икону, Св. Дары, чтобы причастить государя. Но Василий III еще не успел уйти из жизни, когда его опасения начали сбываться. С ним уже перестали считаться, его распоряжения игнорировались! Он просил пострижения, митрополит готовился начать обряд. А группа бояр во главе с Андреем Старицким внезапно воспротивилась, старалась не допустить этого. Хотя, казалось бы, какая им была разница, умрет Василий мирянином или монахом?

Государь отходил, над ним читали канон на исход души, он шептал молитвы немеющими губами, целовал простыню, ожидая обряда. А рядом с ним разыгрывалась безобразная сцена. Бояре шумели, оралы, спорили, не обращая никакого внимания на умирающего. Андрей Старицкий и Воронцов принялись вырывать у митрополита монашескую ризу, и Даниил усмирил их только угрозой проклятия: «Не благословляю вас ни в сей век, ни в будущий!..» После этого пострижение пришлось производить спешно. В суматохе обнаружили, что забыли мантию для нового инока, и троицкий келарь Серапион отдал свою. И великий князь Василий, ставший иноком Варлаамом, ушел в мир иной.

* * *

Что же представляло собой Русское государство, когда во главе его оказались ребенок и молодая мать? Правительства в той форме, в какой мы привыкли воспринимать его – с министерствами или ведомствами, разделенными по направлениям деятельности, еще не существовало (впрочем, таких правительств не было и в других странах). Главных органов управления на Руси было два – государев двор и Боярская дума. Двор в узком смысле представлял собой личное хозяйство великого князя и людей, которые руководили им. Но ведь и вся Русь была большим хозяйством, вверенным ему от Бога. И те же лица, которые входили в двор государя, составляли аппарат его власти.

Самым важным был пост дворецкого – управляющего двором. Это был начальник канцелярии великого князя, глава администрации. Но еще выше по рангу считался конюший – его чин в русской иерархии был самым старшим. Он заведовал государевыми конюшнями, но он занимался и закупками лошадей для казенных нужд, инспектировал кавалерию, ведал

заготовками фуража, а также доходами, которые шли на эти нужды. При дворе были также постельничий, оружничий, казначей, кравчий, ловчие, ясельничие. И если постельничий ведал государевой спальней, а кравчий на пирах выступал виночерпием, то этими функциями их полномочия не ограничивались. Такие чины знаменовали степень доверия государя, их обладатели получали важные назначения по военной или административной части.

Из юных аристократов набирались рынды – почетная охрана монарха на торжественных выходах, а в походах – его оруженосцы. Иногда это было первой ступенькой карьеры знатных лиц. Еще одним низшим придворным чином являлись стряпчие (от слова «стряпать» – делать). Они входили в свиту великого князя и выполняли его поручения. При дворе были и дьяки, профессиональные чиновники незнатного происхождения. Они служили секретарями, делопроизводителями, архивариусами. Уже выделялись специалисты в области дипломатии, финансов, но еще не составляли особых структур. Свои дворы имелись у жены и детей государя, у удельных князей – соответственно, со штатами придворных чинов и дьяков.

На Руси каждого человека оценивали в первую очередь по его роду. Высшей знатью было боярство. Оно сложилось из различных категорий аристократов. Бояре издревле служили при дворе великого князя Московского, были его советниками, воеводами. Их потомки в XVI в. представляли «старомосковское» боярство. Но по мере того, как другие княжества теряли самостоятельность, их князья со своими детьми, внуками начинали служить государю и тоже вливались в боярство. А ранг у них отличался в зависимости от многих факторов. Одни были потомками великих князей, другие – удельных. Одни добровольно уступали свои владетельные права Москве, другие лишались их в результате войн. И в сложившейся иерархии одни получались выше старомосковских бояр, другие ниже. В присоединенных княжествах были и свои бояре, часть из них пополняла московское боярство. В него добавлялись и знатные выходцы из Литвы, потомки знатных татар, перешедших на русскую службу.

Одежда бояр XVI в. (слева – полевое платье Бориса Годунова) и XVII в. (справа – изображение с портрета стольника Петра Потемкина)

Однако следует различать боярство в широком и в узком смысле. В широком это было аристократическое сословие Руси. В узком – члены Боярской думы. В нее попадали лица из данного сословия, но далеко не все, а лишь те, кого государь пожаловал в окольничие или бояре. Это были чины, а не титулы, по наследству они не передавались. Иногда их жаловали по знатности происхождения, старшим представителям рода. Иногда – за важные заслуги. Иногда по родству с государем: например, возвышались близкие его жены (это тоже считалось заслугой: помогли вырастить и воспитать достойную великую княгиню). При Василии III к боярам и окольничим добавился новый чин – думного дворянина.

Дума состояла из нескольких десятков сановников и была высшим законодательным, совещательным, судебным органом при великом князе. Формула того времени гласила:

«Государь повелел, и бояре приговорили». Государь ставил вопрос, по которому нужно принять решение, и Дума, обсудив его, выносила приговор, приобретающий силу закона. Менее важные дела великий князь решал самостоятельно, обсуждая их с ближайшими советниками. Да и вопросы, которые он поднимал перед Думой, требовалось сперва взвесить в более узком кругу. Этих советников иногда называли «ближней думой».

Родовая система породила явление местничества. Оно существовало и внутри семей: первое место занимал отец, за ним старший сын, второй сын. Для каждого было определено, сколькими местами выше или ниже его стоят дяди, племянники, двоюродные братья – в таком порядке, например, садились за общим праздничным столом. И во всем боярском сословии человек занимал четко означенное место: оно определялось, с одной стороны, его родом – знатностью предков, их заслугами, а с другой – его положением внутри рода. И согласиться пойти в подчинение к лицу, чье место ниже, было никак нельзя. Это роняло не только личную честь, но и честь всего рода. Ведь если А примет назначение под начало Б, на будущее создается прецедент, что род А ниже Б. Мало того, система родовых связей была сложной, переплетенной. В ней существовало сколько-то родов, равных Б или выше его. Стало быть, род А отбрасывался вниз по иерархической лестнице не на одну, а на несколько ступенек.

Если представитель боярского рода считал свое назначение «невместным», он бил челом великому князю, отказываясь исполнять обязанности. Причем сама должность в таких случаях не играла роли. Человек мог согласиться и на более низкую, но такую, где он не попадал в подчинение менее знатного. Государь в подобных ситуациях разбирался сам или поручал это Боярской думе. Когда выяснялось, что челобитчик прав, ему меняли назначение или меняли его начальника. Но тот, кто затеял спор напрасно, «выдавался головой» лицу, чьи права оспаривал. Формально это означало вообщем отдачу в холопы, хотя реально ограничивалось унижением – проигравший шел пешком на двор победителя, кланялся до земли и получал прощение.

Дворянское сословие было ниже боярского и тоже составилось из нескольких категорий. В него отходили «захудалые» представители боярских родов, младших ветвей аристократии. К дворянам относились те, кто служил при государевом дворе, а также потомки людей, входивших в дворы ликвидированных княжеств. Дворянство различалось по месту жительства и службы. Так, московские дворяне считались выше «городовых». Но они и службы несли больше. Они находились под рукой великого князя, их в первую очередь поднимали в случае опасности, привлекали для встреч иностранных посольств, других заданий.

При Иване III сформировалось еще одно сословие – дети боярские. С боярами они в родстве не состояли. Просто до XV в. основой русской армии были дружины, которые содержали бояре-вотчинники. А рядовых дружинников называли «отроками» – или «детьми». Ликвидируя удельные княжества, а вместе с ними и удельное боярство, Иван III провел военную реформу. Бывшие дружинники стали получать поместья от государя. Каждые 2—3 года они обязаны были прибыть на смотр, им переверстывали земельные оклады, в случае войны выплачивали жалованье. И в документах XVI в. употреблялась разная терминология. Иногда выделяли дворян, а под детьми боярскими понимались мелкопоместные дворяне. А иногда детьми боярскими обозначали всех, кто служил с поместий, в том числе дворян.

По призыву государя они должны были прибывать сами, приводить вооруженных слуг. Именно за счет детей боярских Иван III получил мощную конницу, позволившую ему одолевать врагов. Но в составе вооруженных сил заметную долю все еще составляли дружины вотчинников, удельных князей. Использовались и корпуса татарской конницы. В разное время мурзы, царевичи из Орды и ее осколков переезжали на Русь, поступали на службу великим князьям, им давали владения в Юрьеве, Романове, Кашире, Касимове. Начальник касимов-

ских татар носил даже титул царя. Но суверенной власти он не имел и царем был не наследственным, а служилым, назначался московским государем.

Пехота считалась вспомогательным родом войск. От хозяйств Церкви, монастырей, вдов, купцов (т.е. тех, кто сами не служат) на время войны привлекались посошные и даточные люди из крестьян – их использовали в обозах, для фортификационных работ и по окончании боевых действий распускали. А города присылали в войско пищальников – стрелков из ручного оружия. Обращаться с ним умели многие, ведь при нападениях врагов все горожане выходили на оборону стен. И когда государь формировал армию, город выбирал пищальников по жребию или нанимал за деньги.

Русская артиллерия (ее называли «нарядом») была передовой для своего времени. Имелись великолепные литейщики, изготавливались отличные орудия. Пушкари были профессиональными, хороших артиллеристов ценили, даже нанимали за границей.

На войне армия делилась на полки – большой (главные силы), правой руки, левой руки, передовой (авангард), сторожевой (арьергард). Воевода большого полка являлся главнокомандующим.

При Иване III начали формироваться воинские части из иностранцев. Кто-то попадал в плен и соглашался служить государю, приезжали европейские наемники. При Василии III эти части стали постоянными, их поселили в Замоскворечье. Немецкую слободу люди красноречиво прозвали «Налейки», потому что у русских пьянство отнюдь не приветствовалось. Варить пиво, употреблять крепкий мед, вино, водку позволялось лишь по праздникам и на семейные торжества. В прочих случаях за пьянство протрезвляли батогами, а подпольная продажа спиртного влекла тюрьму и конфискацию имущества. Но иностранные солдаты без выпивки не могли, и им в виде исключения позволяли гнать вино.

Глава 1 Война и измена

В регентский совет при ребенке-государе, составленный по воле Василия III, вошли Андрей Старицкий, боярин Захарьин-Юрьев, князя Михаил Глинский, Василий Васильевич и Иван Васильевич Шуйские, Михаил Воронцов, воевода Тучков. Вероятно, покойный отец хотел объединить вокруг наследника представителей разных боярских группировок. Вышло наоборот. Интересы членов регентского совета были слишком разными, и он получился практически нежизнеспособным. А вокруг престола сразу же начались интриги.

Вдова великого князя понимала, что положение и ее, и ребенка слишком шаткое. До нас не дошло портрета Елены Глинской, описаний душевных и деловых качеств. Летописцы давали крайне скудные характеристики русских деятелей, обычно они фиксировали только события. От них мы знаем лишь о красоте Елены. Но из самих фактов ее правления мы можем узнать и другое: она была очень умна. Ведь со времен св. равноапостольной княгини Ольги не было прецедента, чтобы на Руси правила женщина! Нет, по своим способностям и развитию русские женщины отнюдь не уступали европейским. Известны случаи, когда они управляли удельными княжествами, Марфа Борецкая возглавила борьбу Новгорода против Москвы. Мать Василия Темного Софья успешно замещала сына, когда он попал в плен. Но официально руководить всем государством – такого еще не было.

Вероятно, и муж, умирая, не думал о подобной возможности, поэтому старался подкрепить жену опекунами и родственниками. И бояре поначалу не видели в ней полноправной властительницы. Но она стала ею и с бременем власти вполне справилась. В пользу Елены сыграли неприязненные отношения, сразу же сложившиеся между Боярской думой и регентским советом. Дума была органом легитимным, с устоявшимися традициями, и двадцать бояр, входивших в нее, болезненно восприняли возвышение семерых опекунов, назначенных в суматохе у постели умирающего. Некоторые из них уступали по рангу другим аристократам, даже не являлись членами Думы. А Елена стала умело играть на этих противоречиях, лавировать между боярами и регентами, проводя свои решения.

Богатства, накопленные в казне бережливым мужем, правительница использовала только на нужды государства. Она, например, организовала масштабный выкуп пленных из татарской неволи. Для этого собирались и частные средства, подключалась Церковь, и архиепископ Новгородский свт. Макарий, приславший 700 руб. (очень большую по тем временам сумму), одобрительно писал: «Душа человеческая дороже золота».

Елена затеяла еще одно дорогостоящее, но необходимое дело. Возможно, оно намечалось еще Василием III: Москва разрослась, а осада в 1521 г. и угроза нападения в 1532 г. показали, что крепость Кремля стала слишком мала для столичного населения. И было решено строить новые укрепления. В мае 1534 г. начали копать ров от р. Неглинной к Москве-реке. За месяц ров закончили, и под руководством архитектора Петрока Малого (перешедшего в Православие итальянца) стали возводиться каменные стены, которые называли Китай-городом. Они имели четыре башни с воротами (Сретенскими, Троицкими, Всесвятскими и Коз-

модемянскими), примыкали к цитадели Кремля и втрое увеличивали площадь защищенной части города.

Укрепление столицы было делом весьма своевременным. Ведь перемена власти на Руси не осталась и без внимания соседей. Швеция и Ливонский орден повели себя лояльно, направили послов с подарками и подтвердили мирные договоры. Принес присягу новому государю казанский хан Джан-Али. А вот ногайцы попытались нагнать. Их князь Шийдяк и калга Мамай угрожали, что у них 300 тыс. воинов, которые «летают как птицы» и могут нагрянуть в Москву. Требовали, чтобы малолетний Иван признал их «братьями и государями», равными ему по достоинству, и платил «урочные поминки», т.е. дань. Однако им ответили твердо: великий князь «жалует ханов и князей по заслугам», а дани не дает никому. И ногайцы удовлетворились тем, что им разрешили свободно торговать в России лошадьми, а они за это обязались помогать против крымцев.

Но правлением женщины и ребенка решили воспользоваться старые враги: крымский хан Сахиб-Гирей со своим калгой Исламом, польско-литовский король Сигизмунд. Татары потребовали немислимых выплат (половину великокняжеской казны), но переговоры с ними даже еще не начались, когда их орды напали на Рязанщину. Воеводы Пунков и Гатев наголову разгромили их на р. Проне, однако это было только началом целой полосы войн. Сигизмунд потребовал вернуть все земли, отобранные у него Василием III. И тоже, не дожидаясь ответа, стал собирать армию, заключил союз с Сахиб-Гиреем.

Узнав об этом, Елена и бояре начали готовить полки на южных и западных границах. Но вскоре открылось, что Литва рассчитывала не только на свои силы и на татар, она позаботилась приобрести тайных союзников внутри России. Причем среди родственников великого князя! Младший из трех братьев Вельских, Семен Федорович, и окольный Иван Ляцкий, которым было поручено формировать части в Серпухове, поддерживали связи с Сигизмундом и вместе со своими дружинами и слугами бежали к нему... Точнее, заговор был куда более широким. В нем участвовали воеводы большого полка Иван Вельский и Иван Воротынский, сыновья Воротынского Михаил, Владимир и Александр (двое из перечисленных лиц, Ляцкий и Воротынский, фигурировали среди оппозиционеров еще при Василии III).

При наступлении литовцев последствия стали бы катастрофическими – изменники могли открыть фронт, передаться на сторону противника. Но заговор был раскрыт. Семен Вельский с Ляцким, почуввав опасность, удрали. Иван Вельский и Воротынский не успели, были арестованы. Правда, некоторые историки выдвигали версии, будто их посадили без вины, только из-за родства Ивана с перебежчиком Семеном, но это, конечно же, чепуха. Потому что третий брат, Дмитрий Вельский, ничуть не пострадал, остался в Боярской думе. Да и Владимир Воротынский в 1553 г. открыто признал, что он с отцом и братьями на самом деле участвовал в измене.

Впрочем, Вельского и Ляцкого не поддержали даже их приближенные. Воины и слуги, когда их привели в Литву, заявили, что не хотят служить предателям, и ушли обратно на родину, ограбив своих начальников. Но Сигизмунд встретил беглецов как долгожданных дорогих гостей, чествовал их, дал богатые поместья. Они заверяли короля, что оборона России слаба, большинство знати и народа недовольны правлением Елены. И неприятель без объявления войны вторгся на нескольких направлениях. Войско Вишневецкого двинулось на Смоленск, армия Немирова – на Северщину.

Вскрывшийся заговор и перестановки военачальников привели к тому, что русское командование потеряло время, не успело оказать помощи пограничным городам. Тем не менее, наместник Смоленска Оболенский отразил натиск литовцев, разбил их и гнал несколько верст.

Войско Немирова подступило к Стародубу, сожгло предместья, но ратники князя Кашина отбросили врага от крепости вылазками и контратаками, захватили несколько пушек и заставили осаждающих в беспорядке отступить. Литовцы отыгрались, напав на маленький и плохо укрепленный Радогощ, взяли его штурмом, воевода Лыков и все защитники погибли. Но когда ободрившиеся враги осадили Чернигов, они встретили серьезную оборону. Несмотря на бомбардировку из тяжелых орудий, воины и горожане во главе с князем Мезецким держались стойко. А ночью скрытно подобрался к литовскому лагерю и напал на него. Возникла паника, и неприятели побежали, бросив всю артиллерию и обоз.

Когда известия о боях дошли до Москвы, великому князю Ивану пришлось впервые, пусть и символически, принимать грозное решение. Собралась Боярская дума, и митрополит Даниил обратился к четырехлетнему ребенку: «Государь! Защити себя и нас. Действуй – мы будем молиться. Гибель начинающему, а в правде Бог помощник». И мальчик сделал то, что мог и обязан был сделать. Сказал слово, которое от него требовалось. Глубокой осенью 1534 г. русские рати выступили на врага. Главная армия наступала на Литву от Смоленска. Командовали ею Михаил Горбатовый и Никита Оболенский, а Иван Телепнев мчался в авангарде с передовым полком. Вторая армия, его брата Федора Телепнева, двинулась от Стародуба.

Тактика похода была продумана грамотно. Русские полководцы учли, что на зиму литовская шляхта разъезжается по домам, а в случае опасности укрывается по крепостям, готовясь оборонять их. Но ввязываться в осады воеводы не стали. Рейд был рассчитан на подрыв экономики противника. Войска шли налегке, без артиллерии и обозов, довольствуясь за счет неприятельских ресурсов. Разоряли, жгли, грабили. Впрочем, даже польские хроники признавали, что церковью наши воины не трогали, а православных пленных отпускали. Ну а других жителей угоняли – война есть война, и не мы ее начали. Главные силы прокатились по окрестностям Орши, Борисова, Полоцка, Витебска, хозяйничали в 15 верстах от Вильно, вогнав в ужас короля и его двор. Вторая армия прошла вокруг Мозыря, Турова, Могилева. А в марте, пока не началась распутица, с большими трофеями возвратились на свою территорию.

Надежды Сигизмунда на крымцев не оправдались. В ханстве опять началась междоусобица, Ислам-Гирей выгнал Сахиб-Гирея из Бахчисарая, тот обосновался в Киркоре. Чтобы отработать деньги, полученные из Литвы, выслал мурзу Булгака, который вместе с литовцами напал на Северщину. Но основную часть воинов хан придержал, опасаясь соперника. А Ислам заверял московских послов, что восстал против хана только из-за дружбы с Россией, поэтому пусть ему заплатят побольше. Воспользоваться войной и напасть на русских были не прочь ногайцы, но их вполне нейтрализовали мещерские казаки. И послы хана Шийдяка, недавно угрожавшего 300 тысячами воинов, наоборот, униженно жаловались боярам, что казаки им житья не дают, тысячами угоняют лошадей, захватывают пленных.

А боевые действия шли своим чередом. В кампании 1535 г. русские применили новую тактику. Так же, как и в прошлом году, был нанесен удар на северном фланге. Армией командовал Василий Шуйский, а Иван Телепнев – передовым полком. Конница опять неслась по Литве, разоряя ее. Но под прикрытием этой операции вторая рать вступила на литовскую территорию со стороны Пскова и на берегу Себежского озера заложила крепость Ивангород (Себеж). Неприятель прятался в своих городах и нашим ратникам не мешал. За месяц крепость отстроили, разместили в ней гарнизон, завезли запасы. А в результате русские урвали и закрепили за собой изрядный район литовских владений. Но и Сигизмунд не бездействовал. Он собрал сильное войско и нанес удар на южном фланге.

Но здесь требуется сделать одно пояснение. Когда в исторической литературе приводятся данные о численности русских и польско-литовских армий, к ним следует подходить осторожно. Дело в том, что отечественные летописи редко отмечали численность воинов, называли лишь воевод и полки. А понятие «полк» было растяжимым, оно означало любое

крупное формирование от нескольких сот до десятков тысяч воинов. Поэтому историки берут цифры из польских источников. Хотя в них численность русских войск всегда преувеличивалась. Допустим, когда писали, что в 1534—1535 гг. Литву разорjali 150 тыс. русских, кто их там считал? Конные отряды рассыпались по всей стране, казалось, что они всюду, а у страха глаза велики. А с другой стороны, численность литовских ратей приводилась не полностью. В счет шли только «рыцарство» (шляхта) и наемники. Но каждый шляхтич брал с собой на войну как минимум одного, а то и нескольких вооруженных слуг. И реальные цифры были значительно выше тех, которые указываются в хрониках.

Согласно этим хроникам, в 1535 г. на Русь двинулось 40 тыс. воинов (следовательно, 80—100 тыс.). В Москве учитывали возможность наступления на южные районы. На этот случай на Оке собиралась еще одна рать. Но и Сигизмунд совершил хитрый ход. Он перекупил российского «друга» Ислам-Гирея, и тот бросил татар на Рязанщину Полки Дмитрия Вельского и Мстиславского пришлось перенацеливать в другую сторону. Крымцев побили и прогнали. Но для Сигизмунда главное было достигнуто, русские юго-западные города своевременной помощи не получили. Войска литовского гетмана Тарновского и Острожского двинулись на Гомель. Воевода Оболенский-Щепин устранился и бросил крепость. Захватив этот город, королевские рати продолжили наступление и осадили Стародуб.

Это был довольно большой город, центр Северной земли. Возглавил оборону Федор Телепнев, брат фаворита Елены Ивана Телепнева. Его воины вместе с местными жителями храбро отбивались, отразили несколько штурмов. Но литовцы подвели подкоп и взорвали стену, в городе начался пожар. Телепнев даже в такой ситуации пробовал отбросить врага, дважды бросался в контратаки, прорывался до ставки неприятельских воевод. Одолеть он не смог, силы были слишком неравными, его окружили и смяли массами пехоты и конницы. Телепнев и князь Сицкий попали в плен, погибли князь Ромодановский и боярин Колычев.

Расширившиеся неприятели ворвались в город и резали всех подряд, не давая пощады никому. В Стародубе было истреблено 13 тыс. человек – и воины, и горожане, и спасавшиеся в крепости окрестные жители. Полегли вместе, устлав улицы горами тел, дружинники в иссеченных доспехах, сражавшиеся до последнего, зарезанные бабы, крестьяне и дети с проломленными головами. Пытавшиеся спастись запирались в домах и сгорели вместе с ними. А победители двинулись на Почеп. В нем гарнизон был небольшим, укрепления слабыми, и воевода Сукин сам сжег город, приказав населению уходить в глубь страны, закапывать или уничтожать запасы продуктов и фуража. На пепелищах Стародуба и Почепа пожить было нечем. Литовцы понесли серьезные потери, опасались подхода основных русских сил и отступили с Северщины.

Но тут еще одна угроза возникла на востоке. Крымский хан Сахиб-Гирей и его племянник Сафа-Гирей хоть и были заняты сварам с Ислам-Гиреем, не забывали про Казань. Туда засылалась агентура, велись тайные переговоры со знатью. И не без успеха. Казанцы успели оправиться от ударов государевых ратей, а смерть Василия III и война с Литвой вселяли надежды, что теперь-то можно действовать смелее. Заговорщики произвели переворот, убили Джан-Али и призвали на царство Сафа-Гирея, который тут же и явился с отрядами крымцев. Джан-Али был женат на дочери ногайского князя Юсуфа Сююн-бике, но ей убийцы мужа зла не причинили. Напротив, выдали замуж за нового хана, чтобы и ногайцев привлечь к войне против русских. Наша страна очутилась в окружении.

В 1536 г. в Русско-литовской войне наступил перелом. Сигизмунда крайне раздражала крепость Себеж, построенная на его земле. Но именно на этом строился расчет русского командования – спровоцировать удар. Литовцев здесь ждали, крепость была хорошо оборудована, имела сильную артиллерию и гарнизон во главе с князьями Засекиным и Тушиным. В феврале армия воеводы Немирова из 20 тыс. «рыцарства» (т.е. около 40—50 тыс. воинов) осадила Себеж. Паны подвезли тяжелую артиллерию, открыли бомбардировку. Но в пере-

стрелке русские пушкари сразу же стали одерживать верх. Метко поражали батареи, лагерь осаждающих. Потом наши ратники предприняли вылазку. Враги не выдержали, дрогнули и начали отступать.

Русские воеводы умело воспользовались этим и, не давая врагу опомниться, нанесли контрудар всеми силами. Литовцы и поляки побежали, и их загнали на лед Себежского озера. Под тяжестью облаченных в доспехи тысяч людей коней лед треснул, стал проваливаться. Наши воины рубили неприятелей, расстреливали из пушек и пищалей. Бегущие тонули, а те, кто сумел выбраться из воды, замерзали в окрестных лесах. Разгром был полным. Немиров едва ускакал на коне, его армия погибла почти вся. В Москве праздновали победу, трофейные пушки и знамена выставили для показа народу. Истребив под Себежем цвет шляхты, русские нанесли ответный удар – конница опять прошла разорительным рейдом до Любеча и Витебска. В это же время восстанавливались погибшие города, Стародуб и Почеп.

Гетман Ян Тарновский и пленный князь Фёдор Овчина-Оболенский во время осады Стародуба (1535)

А кроме того, правительство Елены продолжило успешную практику строительства крепостей на неприятельских землях – вслед за Себежем возникли Велиж и Заволочье. Итальянец Руджиери, побывавший в России, писал, что такие операции проводились «с невероятной быстротой». Русских мастеров он уважительно именовал «инженерами», они осматривали местность, на своей территории рубили бревна, вели подгонку, разметку. Спускали заготовки по реке до нужного места, по знакам на бревнах «в один миг соединяли», засыпали ряжи землей. «Король польский получит только известие о начале строительства» – а крепость уже «оказывается столь крепка и внимательно охраняема, что, осажденная громаднейшим королевским войском, испытывая храбрые нападения, мужественно защищается и остается во владениях Москвы». И граница сдвигалась на запад...

Литовской дипломатии удалось примирить и нацелить против России крымских владетелей Сахиба и Ислама, они напали на Белев, но тоже были разбиты. И Сигизмунд запросил мира. Но и Елена не была настроена продолжать войну – на Русь начались нападения с востока. Казанский царь Сафа-Гирей призвал ногайцев, собрал башкир, черемисов. Когда узнали о его приготовлениях, была выслана рать под командованием Гундорова и Засецкого. Но они встретили орды татар, уже вторгшихся на русскую землю, и поспешили отступить, даже не доложив в Москву о нашествии. Воеводы Нижнего Новгорода также не решились вступить в бой. На это отважились лишь жители Балахны, вооружились и вышли в поле. Их разгромили и перебили. Казанцы принялись беспрепятственно грабить окрестности.

Когда известия об этом с опозданием дошли до столицы, великая княгиня и бояре начали предпринимать экстренные меры. Гундорова и Засецкого сняли с постов и посадили в тюрьму, под Нижний отправили других воевод, Сабурова и Карпова. Казанцы в это время разошлись толпами для грабежа, и воеводы побили их под Коряковым. Пленных отослали в столицу, и правительство решило больше не миндальничать. Всех казнили как бунтовщиков, нарушивших присягу. Но оказалось, что говорить о победе еще рано. В первой волне

Сафа-Гирей бросил на Русь массы своих подданных во главе с их племенными князьками. А теперь выступил сам с личной гвардией, отрядами крымцев и ногайцев.

Часть войска двинулась вверх по Волге, в сражении между Галичем и Костромой рать Сабурова потерпела поражение. А Сафа-Гирей в январе 1537 г. подступил к Мурому, сжег посады. Спасли положение мещерские казаки. Они наносили удары по тылам, громили банды врагов, оторвавшиеся от основных сил для грабежей. Героями проявили себя и защитники Мурома, отразившие несколько штурмов. Тем временем уже подходили свежие полки из Москвы, и хан, узнав об этом, отступил. А мещерские казаки «проводжали» врагов, преследуя и истребляя их.

В таких условиях шли переговоры с послами Сигизмунда. Литовцы после своих поражений и потерь воевать фактически не могли и стремились воспользоваться моментом, пока русским угрожают казанцы. Но и московские бояре старались поскорее замирились, чтобы противники не навалились на нашу страну совместными усилиями. В результате заключили перемирие на тех рубежах, которых достигла каждая из сторон. За Литвой остался Гомель, за Россией – Себеж, Велиж и Заволочье. Ну а чтобы сохранить лицо перед сенатом и сеймом, Сигизмунд сделал козлами отпущения предателей Семена Вельского и Ляцкого. Объявил, что это они втянули Литву в неудачную войну, они наврали, будто Россия слаба. Ляцкий угодил в тюрьму, Вельский бежал в Турцию.

Тем не менее, он не угомонился. Этот эмигрант показал себя, можно сказать, убежденным врагом собственной родины. В Стамбуле он добился приема у султана, объявил себя наследником Рязани (он приходился двоюродным братом последнему рязанскому князю) и просил помощи, чтобы ему помогли овладеть «наследством». Жители Рязанщины, наверное, ни сном ни духом не подозревали, что у них появился такой «князь». И уж тем более им в головы не могло прийти, что Вельский в обмен на помощь отдает их землю... в подданство турецкому султану!

В Москве об этом узнали и, естественно, встревожились. Была организована операция, чтобы обезвредить опасного предателя. Вельскому направили грамоту, что по молодости лет его прощают, и он может вернуться. Но одновременно обратились к Ислам-Гирею. Великая княгиня и ее окружение отлично знали, что этого разбойника интересуют только деньги, поэтому послали щедрую плату с просьбой выдать или убить Вельского. Но не удалось. Пока деньги и письма везли в Крым, там разыгралась очередная свара и был убит сам Ислам-Гирей

Восстановление единовластия в Крыму ничего хорошего Руси не сулило. И Сахиб-Гирей сразу же подтвердил это, ограбив великокняжеского посла. Государю он прислал высокомерные требования выплачивать «дары», направить в качестве посла одного из высших сановников государства, Василия Шуйского или Ивана Телепнева, а вдобавок «запрещал» тревожить Казань, называл ее «моей». Угрожал: «Если дерзнешь воевать с ней, то не хотим видеть ни послов, ни гонцов твоих... вступим в землю русскую и все будет в ней прахом».

Отвечали ему от имени Ивана Васильевича вежливо, но твердо: что Шуйского и Телепнева прислать невозможно, поскольку они «по юности моей надобны в государевой думе», что Казань принадлежит московским великим князьям, «а вы только обманом и коварством» присвоили ее. Правда, крымского хана заверили, что великий князь готов «забыть вины» казанцев и примириться с ними, если они подтвердят присягу на верность. Но говорилось это лишь для отвода глаз. Правительница и бояре хорошо знали цену присягам Сафа-Гирея и, отвлекая Крым переговорами, готовили полки к походу на Казань.

Но он был сорван очередной изменой. Как ранее отмечалось, дядя государя Андрей Старицкий уехал из Москвы и обосновался в своем удельном княжестве, где вел себя все более вызывающе. Он раз за разом отказывался приезжать в столицу на заседания Бояр-

ской думы, хотя это являлось его прямой служебной обязанностью. Симулировал, объявив себя больным. В войне против Литвы он со своим войском участия не принял, а это выглядело вообще многозначительно. Получалось, что с Сигизмундом враждуют Елена и ее сын, а Андрей сохраняет «нейтралитет». Под предлогом помочь болящему правительница послала к нему придворного врача Феофила, и он нашел князя абсолютно здоровым.

Но Андрей продолжал уклоняться от службы, не без издевки отписывал Елене: «В болезни и тоске отбыл я ума и мысли... Неужели государь велит влачить меня отсюда на носилках?» Когда Старицкому поступил приказ выступить со своими дружинами против казанцев, князь его опять проигнорировал. Конечно, при его дворе у государыни имелись «глаза и уши» – было бы глупо оставлять такого деятеля без присмотра, а Елену никак не приходилось считать доверчивой дурушкой. Стало известно, что в Старице кучкуются недовольные, а дружины, не участвующие в войнах, вооружаются и поддерживаются в боеготовности. Но узнали и о том, что поддерживаются какие-то сношения с Литвой.

Предположили, что князь Андрей собирается бежать к Сигизмунду. К нему послали с увещанием Крутицкого епископа Досифея, а одного из старицких бояр, приехавших в Москву, арестовали для допроса. Но замыслился вовсе не побег. Замыслился переворот. Вот только подготовку Старицкий завершить не успел. Узнав об аресте своего боярина, он встревожился, понял, что над ним нависла угроза разоблачения – и решился на открытый мятеж. Со всем двором, семьей и воинами он выступил из Старицы на запад, намереваясь «засесть Новгород», где у него имелись связи и сообщники. Начал рассылать грамоты к боярам и дворянам: «Князь великий мал, а держат государство бояре. И вам у кого служить? А яз вас рад жаловати».

Многие поддержали Андрея, стали съезжаться к нему, в том числе видные воеводы князья Пронский, Хованский, Палецкий, бояре Колычевы. Но, собирая войско, он упустил время. А правительница действовала быстро. Боярин Никита Хромой-Оболенский был срочно направлен в Новгород, опередил мятежника и взял ситуацию в городе под свой контроль. А Иван Телепнев-Оболенский с конной ратью бросился в погоню за Андреем. Изменник заметался. Не дойдя до Новгорода, он получил известия, что там его отнюдь не встретят хлебом-солью, и повернул на юг, к литовской границе. Телепнев настиг его у села Тюхоли, развернул своих ратников и готовился атаковать. А Андрей, построив войско к бою, растерялся. Среди его сподвижников пошел разброд. Одни не хотели драться с соплеменниками. Другие мечтали возвести князя на престол и, соответственно, самим получить награды, но их ничуть не прельщала роль изгнанников на чужбине. Да и вообще надежность войска была сомнительной. Для предавшего один раз почему было не предать во второй в надежде купить прощение?

Князь Старицкий предпочел вступить в переговоры. Соглашался сдаться, если ему гарантируют неприкосновенность. Между прочим, характерная деталь – гарантии он просил только для себя. Те, кого он соблазнил и повел за собой, Андрея не интересовали. Что ж, Телепнев тоже не горел желанием лить русскую кровь и дал требуемую клятву. Мятежников привезли в Москву. А здесь Елена выразила гнев своему воеводе. Объявила, что он превысил полномочия и не имел права давать гарантий без ведома великой княгини и государя. Действительно ли Телепнев предлагал простить заговорщика? Или он и Елена преднамеренно разыграли этот сценарий? Мы не знаем. Скорее, вышла «импровизация». Ведь от западных границ воевода никак не мог быстро снестись с Москвой. Однако в Средневековье не только на Руси, но и в Европе нередко практиковалось, что клятва обходилась по формальным признакам. А формальности были вполне соблюдены. Андрей желал клятвы – и получил ее. Телепнев ее не нарушил. Но он и впрямь не мог предрешать волю великой княгини и государя, которые никаких обещаний изменнику не давали.

В итоге-то все сложилось как надо. Опасность ликвидировали, и русские воины остались целы. Так что и гнев государыни на Телепнева вряд ли был искренним и быстро прошел. А вооруженный мятеж был очень серьезным преступлением. Как мы видели, пленных казанцев казнили поголовно именно в качестве мятежников против законного государя. Но в данном случае, учитывая высокое положение изменников, правительница и Боярская дума подошли мягче. Старицкого заключили в темницу, его жена Ефросинья и сын Владимир были взяты под домашний арест. Князей Пронского, Хованского, Палецкого подвергли «торговой» казни – били кнутом на Торгу (Красной площади). Бояр и других знатных сообщников отправили по тюрьмам и ссылкам. Лишь 30 детей боярских приговорили к смерти, повесили в разных местах на дороге от Старицы до Новгорода.

Ущерб России этот бунт нанес колоссальный. Готовившийся поход на Казань пришлось отменить. Сафа-Гирей и Сахиб-Гирей успели установить связи друг с другом, готовы были действовать сообща. А для Елены выступление Старицкого продемонстрировало ненадежность знати. Поэтому правительница и ее советники предпочли начать переговоры о мире – ладно уж, пускай казанцы согласятся на формальное подчинение Москве. Конечно, понимали, что спокойствия для Руси это не обеспечит, но пытались достичь хотя бы временной передышки. А чтобы обезопасить страну от казанских набегов, государыня повелела строить на этом направлении ряд крепостей – Мокшан, Буйгород, Солигалич. Стали возводиться новые стены в Балахне, Устюге, Вологде, Пронске, Темникове.

Между тем подрастал и государь Иван Васильевич. В 1536 г. он впервые отправился в длительную поездку – на богомолье в Троице-Сергиев монастырь. Ездил вместе с матерью, Телепневым, мамкой Челядниной, материнским и своим двором. В семилетнем возрасте, как водилось у венценосных особ, мамку должен был сменить «дядька»-воспитатель. И в 1537 г. в окружении Ивана появился Иван Федоров-Челяднин. Великий князь уже привык терпеливо высиживать на троне на торжественных приемах, говорил требуемые по протоколу слова. Появлялся перед народом во время выходов в храм. Жаловал отличившихся воевод. Хотя решения, конечно, принимал еще не он. Но в этом и не было нужды. Его мать была мудрой и умелой властительницей. За короткий срок правления она проявила себя не только в победной войне и в градостроительстве.

Она осуществила денежную реформу. Несмотря на объединение различных русских земель, по стране все еще ходили разные деньги – московские, новгородские, псковские. Это приводило к путанице, создавало благодатные условия для фальшивомонетчиков. В правление Елены все старые монеты было велено изъять из обращения, они переплавлялись и чеканились новые. На них изображался великий князь на коне с копьем в руке. Отсюда и пошло название «копейка». А за подделку денег вводились строжайшие кары.

Было обращено внимание и на несовершенство административной системы. Особенно много жалоб вызывало расследование уголовных преступлений. Наместники и волостели, назначенные на время, не знали местных жителей и условий, доверяли нечестным поручителям, лжесвидетелям, иногда арестовывали невиновных. Это открывало путь и для злоупотреблений. За взятку отпустил преступника на поруки – и попробуй докажи, что поручители не были «добрыми людьми». Да и вообще наместники и волостели не были заинтересованы в поиске виновных. По закону в их пользу шла «вира», штраф за преступление. Поэтому они себя не утруждали, требовали от городской или сельской общины: выдавайте преступника или платите виру сами. Сперва правительство пыталось выйти из положения, посылая на места своих сыщиков. Но и это получалось неэффективно – сыщик не знал населения, особенностей жизни. И при Елене начала разрабатываться губная реформа, чтобы местные жители сами выбирали должностных лиц, которые будут расследовать преступления. Но в данном направлении правительница успела предпринять лишь первые эксперименты.

После войны государыня продолжила централизованный выкуп пленных у татар. Но она решила еще и увеличить население России другим путем – начала зазывать крестьян из литовских владений. Переселенцам предоставляли землю, различные льготы и поблажки, а приглашения распространялись через агентов, странников, купцов. Ранее уже отмечалось, что положение простонародья в Литве было отвратительным, и украинские, белорусские, русские крестьяне массами потекли оттуда в нашу страну. А на протесты и возмущение королевских дипломатов в Москве разводили руками – дескать, сами смотрите за своими людьми. Наши-то изменники к вам бегут, и вы их не выдаете. Так почему мы выдавать должны?

Когда дело касалось интересов государства и сына, Елена не останавливалась и перед крутыми мерами. Но встречающиеся у некоторых историков обвинения, будто она, сажая политических противников в тюрьмы, приказывала тайно убивать их, являются голословными и никакими доказательствами не подкреплены. Заговорщики Андрей Шуйский, Иван Вельский, Воротынские остались в заключении живыми и здоровыми, точно так же, как и Пронский, Хованский, Палецкий. Юрий Дмитровский преставился через три года после ареста, Михаил Глинский – через два. Если правительница хотела убить их, зачем было так долго ждать? Скорее, сказались естественные причины. Оба находились уже в солидном возрасте, а средневековая темница была далеко не курортом. И только Андрей Старицкий скончался через шесть месяцев заключения. Может быть, сказался стресс. Но не исключено, что ему действительно «помогли» уйти из жизни. Было ли это сделано по приказу Елены или Телепнева, остается лишь гадать. Но если так, то мятежника устранили исключительно вовремя...

Глава 2

Первые войны Ивана Грозного

3 апреля 1538 г. умерла Елена Васильевна. Умерла совершенно внезапно. Ни один источник не сообщает о какой-либо болезни. А исследование ее останков однозначно установило причину смерти. Содержание мышьяка в них оказалось в 10 раз выше предельно допустимого уровня. И это было не просто убийство. Это был хорошо спланированный переворот. Возглавляли его Василий Васильевич и Иван Васильевич Шуйские. Знатнейшие князья, занимавшие высшие места в Боярской думе. Все факты свидетельствуют о том, что смерти великой княгини уже ждали, заранее подготовились к ней.

Новую власть возглавил Василий Шуйский. И о том, насколько высоко заносились его амбиции, мы можем судить по двум фактам. Через три месяца после переворота он женился на Анастасии, дочери татарского царевича Петра, а матерью невесты была сестра Василия III. Представитель старшей ветви Рюриковичей стал вдобавок дядей государя. Второй факт еще более красноречивый. Василий сразу же освободил из тюрем и ссылок участников прежних заговоров: Ивана Вельского, Андрея Шуйского и др. Но малолетнего князя Владимира Старицкого и его мать Ефросинью оставил под стражей. Лишний претендент на престол Шуйскому был не нужен. Кстати, минует 60 с лишним лет, и другой Василий Шуйский добьется своего, получит корону. Но это будет в период Смуты и междоусобиц. А в 1538 г. временщик понимал, какую конфронтацию может получить со стороны народа и других бояр. Но пока ребенок-государь ему не мешал, а, наоборот, давал легитимное прикрытие власти. Вот его и не трогали, пусть числится великим князем, а дальше видно будет.

Василий поселился в Кремле, в палатах Андрея Старицкого. Присвоил себе давно забытый титул наместника московского. И власть приобрел такую, что в летописи его называли на первом месте: «Того же году был на Москве наместник князь Василий Шуйский, а князь великий тогда был мал». «Малого» великого князя Василий захватил под контроль. В сентябре 1538 г. в традиционной поездке в Троице-Сергиев монастырь государя сопровождали Шуйские и бояре из их группировки. Но на самом деле с сиротой совершенно не считались. Впоследствии Иван Грозный вспоминал, что их с братом Юрием даже кормили плохо, «яко убожейшую чадь», а то и забывали дать поесть.

А вот оборону государства Шуйские совершенно забросили. Видимо, считали более важным укрепление своих позиций, а войска собирать опасались – как бы против них самих не выступили. Вместо этого предпочли мириться с татарами, невзирая на условия. Согласились на все требования Крыма, обязались «не воевать Казани», посылать большие выплаты (а чего жалеть, не свое же!). Такой ценой был заключен «союз» с Сахиб-Гиреем. Но шайки крымцев все равно налетали на южные рубежи. А казанцы вообще не стали продолжать переговоров, начатых при Елене. Их отряды полезли на Русь, грабили окрестности Нижнего Новгорода, Муром, Мещеры, Вятки, Перми, появились в районах, которые считались внутренними и безопасными, – возле Вологды, Устюга, Тотьмы, Кинешмы, Костромы.

Положение страны быстро ухудшалось. Подати из провинций до Москвы не доходили или разворовывались в столице. Жалованья, переплавленного в «фамильные» драгоценности, воины не получали. Дворяне и дети боярские вынуждены были разъезжаться со службы по поместьям, чтобы прокормиться. Строительство крепостей прекратилось. Засечные черты, начатые Василием и Еленой, остались недостроенными. Вся система обороны, кропотливо создававшаяся Иваном III, Василием III и Еленой, поползла по швам.

Пока в России заправляли временщики, ее положение на международной арене ухудшилось до крайности. Ливонский орден вообще перестал считаться с нашей страной, отбросил все договоры, прервал русскую торговлю с Западом. В Польше и Литве одряхлевший Сигизмунд уступил власть сыну Сигизмунду II Августу, и новый король даже не известил Москву о своем восшествии на престол! Пять лет не удосуживался прислать хотя бы гонца, игнорируя Ивана IV как пустое место. Очевидно, выжидал, усидит ли он на троне.

А главная опасность нависла с юга и востока – альянс Крыма и Казани, который теперь поддерживался Османской империей. Наступление татар и турок на Северный Кавказ грозило объединить ханства. В их орбиту втягивались и соседние народы. Авторитет Сахиб-Гирея возрос, за ним видели непобедимые султанские полки. Ему взялась помогать и турецкая дипломатия. Сам Сулейман направил послание ногайскому князю Юсуфу, величая его «князем князей», – и тому, конечно, нравилось. А дочь Юсуфа Сююн-Бике была любимой женой казанского царя. Кроме нее в гареме Сафа-Гирея были дочери астраханского, сибирского ханов. Родственные связи готовили почву и для политических. Крымский хан снова грезил о возрождении Золотой Орды. А Руси, соответственно, отводилась участь быть ее «улусом». Да и куда она денется, когда могущественная татарская держава охватит ее полукольцом?

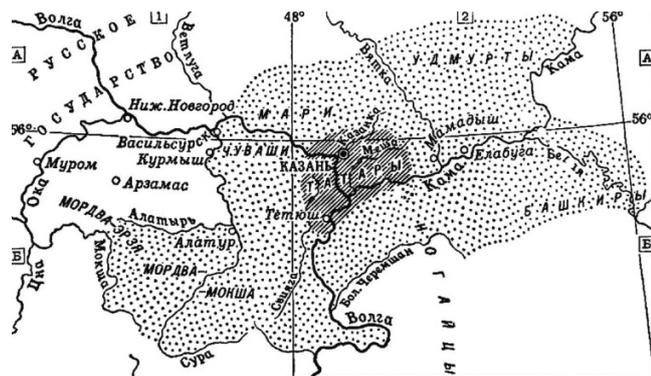
В 1539 г. Сахиб-Гирей писал великому князю Ивану: «У меня более ста тысяч воинов, если каждый пленит хотя одного русского, сколько тебе убытка, а мне прибыли?» Угрожал привести на Русь не только татар, но еще и турок. Писал, что турецкий султан «вселенную покорил» и «дай Боже нам ему твоя земля показать».

Но казанские набеги стали еще более страшными и разорительными, чем крымские. С юга татарам сперва надо было пройти через степи, приграничные районы были мало заселены, деревни и пашни жались к крепостям. Когда враг обнаружит себя, был шанс разбежаться, укрыться, дать сигнал опасности соседям. А казанцы жили рядом и, не преодолевая никаких препятствий, сразу врываются в густонаселенные районы Центральной России, Поволжья. Врывались неожиданно, люди не успевали получить никаких предупреждений. В 1538—1540 гг. орды казанцев разгулялись по русским землям вообще нагло и страшно. Не получая отпора, безнаказанно убивали, насиловали, жгли.

Летописец рассказывал «не по слуху, но виденное мною, чего никогда забыть не могу»: «Батый протек молнией Русскую землю, казанцы же не выходили из нее и лили кровь христиан, как воду... Обратив монастыри в пепел, неверные жили и спали в церквях, пили из святых сосудов, обдирали иконы для украшения жен своих усерзьями и монистами; сыпали горячие уголья в сапоги инокам и заставляли их плясать; оскверняли юных монахинь; кого не брали в плен, тем выкалывали глаза, обрезали уши, нос, отсекали руки и ноги...» Другая летопись констатирует: «Рязанская земля и Северская крымским мечом погублены, Низовская же земля вся, Галич и Устюг и Вятка и Пермь от казанцев запусте».

Дошло до того, что казанский Сафа-Гирей счел себя победителем России и требовал платить ему «выход» – такую же дань, как когда-то платили Золотой Орде, на иных условиях он заключать мир не соглашался.

Петлю, которая стягивалась вокруг нашей страны, требовалось решительно разорвать. И Иван Васильевич, едва лишь избавившись от Шуйских, начал предпринимать усилия в этом направлении.

Казанское ханство и зависимые от него территории в к. XV-н. XVI вв.

В цепи врагов самым доступным для ударов звеном была Казань. Первые походы против нее, предпринятые в 1544—1545 гг., из-за своевольства и недисциплинированности воевод стали лишь карательными рейдами. Русские отряды вторгались на казанские земли, разоряли села. Но даже такие операции привели к важному результату. Ближе всех к границе жили «горная» черемиса (обитавшая на западном берегу Волги, в отличие от «луговой», восточной) и чуваша. Посыпавшиеся нападения им, конечно, совсем не понравились, они взбунтовались, отпали от Казани и направили послов в Москву просить о мире и подданстве.

Пошел раздрай и в самой Казани. Здесь многие были недовольны засильем крымских вельмож, ростом налогов. А как только русские начали активные действия, местные жители обеспокоились. Заговорили, что пора опять налаживать отношения с Москвой. Сафа-Гирей воспротивился. Обвинил сторонников мира в измене, казнил ряд оппозиционеров. Но расправы озлобили подданных, в январе 1546 г. они восстали, выгнали хана с крымцами и обратились к Ивану IV, обещая быть ему верными вассалами.

Государь возвел на казанский престол касимовского царя Шаха-Али, который когда-то уже правил ханством. Но удержался он всего месяц. Сафа-Гирей получил помощь из Крыма, от ногайцев и двинулся к Казани. В городе у него тоже нашлось достаточно сторонников. Набеги на Русь, торговля рабами и их использование в хозяйстве приносили казанским вельможам и купцам огромные выгоды. А союз с Крымом и Турцией давал надежду отбиться от русских. Произошел переворот. Шах-Али был арестован, но сумел бежать. А Сафа-Гирей, вступив в город, подчистую уничтожил пророссийскую партию. Всех, кто принял участие в переговорах с Москвой, кто помогал Шаху-Али, он обрек на смерть. Казнили и их родных, близких. 76 князей спаслись бегством, попросились на русскую службу.

Для борьбы с Крымом и Казанью Россия нашла союзника – астраханского хана, враждовавшего с Гиреями. Но никакой практической пользы этот союз не принес и просуществовал недолго. В 1547 г. Сахиб-Гирей при поддержке турок захватил Астрахань. После этого и ногайцы признали его власть. «Новая Золотая Орда» становилась реальностью. И к чему это вело, красноречиво свидетельствует поведение татар. Русских купцов, торговавших в Крыму, принялись хватать и обращать в рабство. Государева гонца, приехавшего в Бахчисарай, ограбили и подвергли поруганиям. А царю Сахиб-Гирей хвастливо сообщил о взятии Астрахани, о подчинении кавказских горцев и угрожал: «Ты был молод, а ныне уже в разуме: объяви, чего хочешь, любви или крови?» Если «любви» – требовал ежегодную дань в 15 тыс. золотых. Если же нет – «то я готов идти к Москве, и земля твоя будет под ногами коней моих».

Но Иван IV отреагировал жестко. За бесчестья своих дипломатов и насилия над купцами он велел посадить в тюрьму крымских послов. А следующий поход на Казань возглавил лично. Правда, из-за московского пожара и мятежей его пришлось отложить. Выступили по зимнему пути в конце 1547 г. Это был уже не набег «легким делом». Требовалось взять

столицу ханства. Подготовились капитально, собралась многочисленная армия, артиллерия. Но зима выдалась необычно теплая, дождливая. Пушки вязли в грязи. От Москвы до Владимира и Нижнего Новгорода их тащили «великою нужею». Артиллерия и обозы тормозили войско. А в первых числах февраля, когда начали переправу через Волгу, случилась сильная оттепель, лед покрылся водой, под тяжестью грузов стал проваливаться. «Пушки и пищали многие проваляшесь в воду... и многие люди в протошинах потопиша».

Царь сам руководил переправой и спасательными работами, находился на острове Роботка. Лед разломало, и Иван Васильевич застрял там, трое суток не мог выбраться. После этого о штурме Казани не могло быть и речи. Летопись сообщает, что государь «с великими слезами» вернулся в Москву. Тем не менее, даже в подавленном состоянии он принял верное решение: не отменять поход. Это совсем деморализовало бы армию, подняло дух казанцев. И царь приказал Дмитрию Вельскому с конницей все же дойти до Казани. Сафа-Гирей вывел свое войско на Арское поле, но был наголову разгромлен, русские полки «втоптали» его в город. Осаждать не стали, просто прошлись по ханским владениям, лишний раз наказали хищников. А ратники смогли, по крайней мере, разжиться трофеями – в тогдашних войнах это было вполне законно и немаловажно. Хоть как-то вознаградили себя за понесенные труды и лишения.

Летом 1548 г. татары нанесли ответные удары. На южные районы обрушились крымцы, а орды Сафа-Гирея вторглись вдоль Волги, опустошая окрестности Галича и Костромы. Костромской воевода Яковлев вывел из крепости гарнизон, вооружил горожан и в сражении на Гусевом поле разбил одну из казанских дружин, которой командовал князь Арак. Врага погналы, истребляя без пощады, и остальные отряды, узнав об этом, предпочли убраться.

А затем в Казани произошли перемены. В обращениях к султану здешние жители всегда подчеркивали необходимость защиты ислама. Но сами не слишком строго соблюдали предписания своей религии – любили выпить. В летописях отмечены несколько случаев, когда русские пользовались этим и громили их нетрезвых. А Сафа-Гирей в пристрастии к вину далеко превзошел подданных. Гудел, что называется, по-черному и в марте 1549 г. в пьяном виде поскользнулся, ударился головой «в умывальный теремец» и «убился в хоромах своих». Вполне может быть, что он и не сам поскользнулся. Вечно пьяный хан, отдающий под хмелем самодурские приказы, был не слишком приятным правителем. И мужем был далеко не лучшим – Сююн-Бике сразу же утешилась с любовником, крымским уланом Кошачком. Хроники рисуют его «свирепым», воинственным, властолюбивым. Словом, мужчина хоть куда.

А ханом казанская знать провозгласила двухлетнего сына покойного Утемыш-Гирея при регентстве матери, той же Сююн-Бике. Для всех удобно получилось. Вдобавок появился повод предложить России заключить мир – дескать, главного виновника войны уже нет, вот и отмените дальнейшие походы. Но казанцы лгали. Одновременно они направили послов в Крым. Просили Сахиб-Гирея: если он хочет, «чтобы тот юрт» от него «не отошел» и продолжилась война «с русскими людьми», пусть пришлет в Казань царя. И просили не кого-нибудь, а находившегося в Стамбуле Девлет-Гирея. Рассчитывали, что он лучше других сумеет получить от султана военную помощь, а потом унаследует и крымский престол. Но послы до Бахчисарая не доехали. Их перехватили казаки и представили письмо в Москву.

Узнав об истинных намерениях казанцев, Иван Васильевич все же не отказался от переговоров о мире, предложил прислать полномочных послов. Но они так и не прибыли. Русским всего лишь морочили головы, ожидая крымцев и турок. Однако и царь не смог воспользоваться благоприятной ситуацией для удара по Казани. Нужно было изготовить новые пушки взамен утонувших. А Пушечный двор сгорел во время пожара, ливонцы не пропустили в Россию медь. Война требовала и денег, а они были нужны на восстановление Москвы. Очередной поход готовился два года. И... чуть не сорвался.

Армия собралась во Владимире в ноябре 1549 г., возглавил ее снова царь. Но воеводы, невзирая на его присутствие, принялись местничать, отказывались исполнять свои обязанности. Между прочим, факт показательный и яркий. Правительство Сильвестра – Адашева находилось у власти уже два года, но, как мы видим, порядка в стране отнюдь не навело. Наоборот, боярская анархия колобродила пуще прежнего. И Иван Васильевич, которого любят изображать крутым тираном, на самом-то деле не мог унять распоясавшихся аристократов. В итоге начальники спорили, полки стояли без дела и терялось время... Царь был вынужден вызвать во Владимир митрополита. Святитель Макарий убеждал воевод послужить царю и Отечеству «в любви и братстве», прекратить свары. Уговаривал «ради христианства», грозил церковными карами. Кое-как уломал, и лишь тогда войска выступили.

Этот поход тоже выдался тяжелым. Ударили сильные морозы, были замерзшие, много обмороженных. Царь подбадривал людей, вдохновлял их собственным примером – он все время находился с воинами, разделял с ними трудности. Полки осадили Казань 14 февраля. Государь предложил городу капитулировать. Архимандрит Новоспасского монастыря Нифонт писал, что у Ивана Васильевича была и иная надежда овладеть городом, в Казани имелись сторонники России, обещавшие открыть ворота. Но их обещания оказались пустыми, а сдаваться город отказался. Царь повелел строить туры – осадные башни, ставить батареи. Загремели первые залпы...

И тут-то сказалась задержка из-за боярских склок. Уже приближалась весна, таял снег. А осада в грязи и воде была бы губительной для воинов. Иван IV попытался решить проблему единственным возможным способом – взять крепость до распутицы. Бросил войска на штурм. Но он не был как следует подготовлен, а казанцы во главе с Кошачком оказали ожесточенное сопротивление. Рубка длилась целый день, бойцы врываются на стены, но их выбивали. Атаки захлебнулись... А потом зарядили дожди. Пошло бурное таяние снегов. От влаги намок порох.

Дороги залило морями грязи, нарушая подвоз продовольствия. И пришлось отступить.

Дело могло обернуться полной катастрофой. Казанцы, видя, что русские уходят, воодушевились, вывели из города все свои силы и двинулись в преследование, грозя смять, прижать к Волге и уничтожить измотавшиеся и растянувшиеся на марше русские полки. Но молодой царь проявил себя настоящим героем. Он лично взялся командовать арьергардом из легкой конницы, осаживал врага и сдерживал напор, пока ратники сумеют протаскать по грязи тяжелые пушки и обозы, переправят их через Волгу. По набухшему, опасному льду, среди промоин, покинули левый берег последними...

Да, «четыре евангельских заповеди» св. Макария царь выполнял строго. Первой из них как раз и была храбрость. Но второй заповедью была мудрость. В общем-то, после нескольких неудавшихся походов впору было задуматься: а стоит ли раз за разом повторять одно и то же? Или следует поискать другое решение? И Иван Васильевич нашел его. Он обратил внимание на Круглую гору у впадения в Волгу р. Свяги. Гору, с которой открывался обзор на десятки верст вокруг. Это было не только красивое, но и стратегически важное место. Предание об основании Свяжска рассказывает, что царю явился во сне св. Сергей Радонежский и повелел строить на горе крепость.

Конечно, «высококультурные» историки постарались не обращать внимания на легенду, заменили ее собственными домыслами, что идею внушил государю «кто-то» из воевод. Хотя тут позволительно усомниться. Ведь те же самые воеводы, которые сопровождали Ивана IV в походе, – Дмитрий Вельский, Семен Микулинский, Шах-Али, Курбский и другие – уже неоднократно бывали в здешних краях. И Круглую гору видели, но не придавали ей значения. А государь был здесь впервые. Гору заметил и понял, насколько выгодно ее положение. Что ж, он наверняка посоветовался и с воеводами. Это полное право главнокомандующего, взвесить все плюсы и минусы. Но кардинальное решение принял он сам. Даже и

результат четко предугадал: «Стесним Казань; Бог даст нам ее в руки». И в этот раз, несмотря на неудачу, он вернулся в Москву не «с великими слезами», а «с веселым лицом». Поход 1549–1550 гг. имел еще одно следствие. Царь впервые увидел боевые качества казаков. И, судя по всему, высоко оценил их – именно с этого времени казаков начали широко привлекать ко всем боевым операциям русских войск.

* * *

Царь вырос, многое видел, общался в походах с воинами, смотрел на жизнь подданных, когда ходил в паломничества. Как уже сказано выше, зимой 1549—1550 гг. состоялся тяжелый поход на Казань. От войска долго не было вестей, от прибывающих из армии больных, раненых, дезертиров пошли пугающие слухи, и современник записал: «Вся земля была в велицей печали и скорби».

Необходимо было решить те проблемы, которые привели к неудаче под стенами Казани. И летом 1550 г. царь провел реформы в армии – в них весьма определенно просматриваются его личные впечатления во время казанского похода. Приговор государя и Боярской думы упорядочил и ограничил местничество. Устанавливалась четкая иерархия воеводских «мест» в полках – большом, правой и левой руки, передовом, сторожевом. При этом указывалось, что порядок старшинства должен учитываться только в прямом подчинении. А между теми, кто не был подчинен друг другу, местничество не допускалось. Запрещалось оно и в период ведения боевых действий. Из местнических правил исключались юные аристократы. Они начинали службу в 15—16 лет, командовать еще не могли, а идти под чье-то начало считали уроном своей чести. Отныне устанавливалось, что они обязаны подчиняться менее родовитым воеводам, «в том их отечеству поруки нет».

Слабым местом в армии была пехота, собранная с миру по нитке из городских ополченцев. И по указу Ивана IV в России начали формироваться первые регулярные части – стрельцы. В них зачислили 3 тыс. «выборных» (т.е. лучших, отборных) пищальников. Они получали от казны жалованье 4 руб. в год, оружие, поселили их в отдельной слободе рядом с царской резиденцией в Воробьеве. А в октябре 1550 г. было решено создать элитную царскую гвардию. В нее набирали тысячу «лучших» детей боярских, им выделяли поместья в окружности 70 верст от Москвы, чтобы постоянно находились при царе, охраняли его, служили для экстренных поручений. Им предназначалась и роль «училища», из которого государь будет отбирать подготовленные командные кадры.

Глава 3 Казанское взятие

План государя по взятию Казани начал воплощаться в жизнь. Работы шли далеко от казанских мест – под Угличем. Зимой 1550/51 гг. под руководством дьяка Ивана Выродкова рубились бревна, изготовлялись и размечались детали для крепостных стен, чтобы весной сплавить их по Волге. А в Вятке под началом Бахтеяра Зюзина сосредоточились стрельцы и казаки. Когда потеплело, их отряды выступили по единому плану и захватили все переправы на Волге и Каме. С 16 мая сюда стала подтягиваться дворянская конница. Полк князя Серебряного-Оболенского напал на казанские посады, учинил переполох. Ханские войска и население укрылись в городе, но как раз это и требовалось. Пусть сидят за стенами и не мешают. 24 мая по Волге прибыли многочисленные суда и плоты, и закипело строительство Свияжска. Копали ров, собирали из заготовок деревянные ряжи, засыпали в них землю и камни.

За месяц на Круглой горе встала крепость. Казанцы сперва даже не придали этому значения. Сочли, что русские просто оградили свое войско гуляй-городом (разборное временное укрепление из щитов, которые перевозились на телегах). Но сразу же проявились результаты. Горная (правобережная) черемиса и чувашаи еще раньше выражали желание замирииться с русскими. А как только рядом с их селениями возник город с воинским гарнизоном, обратились к воеводам, соглашаясь перейти в подданство царя. У них принимали присягу, в Москву поехали делегации по 500—600 человек от местных племен. Иван Васильевич привечал всех, угощал за своим столом, не жалел подарков, на три года освобождал новых подданных от налогов. Но они должны были доказать верность России, вместе с ней воевать против Казани.

А ханство очутилось в блокаде. Казаки удерживали под контролем все дороги – и со всех сторон начали нападать на неприятельские владения. К ним присоединились отряды черемисы, мордвы, чувашей. И казанцы взвыли. Их хозяйства разорялись, знать и купцы терпели убытки. Крымцы во главе с фаворитом царицы Кошакком призывали держаться, обнадеживали подмогой из Бахчисарая и Турции. Но казанцы решили иначе – мириться с Москвой (а потом будет никогда не поздно изменить). Произошел бунт. 300 крымских вельмож бежали. Пытались прорваться на родину, но всюду наткнулись на казачьи заставы и погибли. Кошак и 45 знатных крымцев попали в плен, их доставили в Москву и казнили.

Казанцы обратились к царю, соглашаясь признать подданство и приглашая на трон Шаха-Али. Но и Иван Васильевич учитывал, как легко они нарушают обещания. Условия продиктовал жесткие: ханство выдает царицу Сююн-Бике с малолетним Утемыш-Гиреем, освобождает всех русских пленных, а правобережье Волги со Свияжском остается за Россией. Казанцы пробовали торговаться, но царь твердо стоял на своем. Сююн-Бике с сыном были отправлены в Москву. Государь обошелся с ними милостиво, поселил при дворе, дал поместья. А в Казань 16 августа прибыли Шах-Али, воевода Хабаров, дьяк Выродков и 500 стрельцов.

Началось освобождение пленных. Многие русские находились в рабстве уже десятки лет. Не верили своему счастью – рыдали, славили Бога и Ивана Васильевича, своего избавителя. Государство взяло на себя заботу о них. В Свияжске был создан перевалочный пункт, здесь вчерашних невольников снабжали едой, одеждой и отправляли судами по Волге. Кому-то и идти было некуда, родни уже не было в живых, деревни погибли при набегах. От казны им давали землю, подмогу на обзаведение имуществом. Летописцы сравнивали поток освобожденных с «исходом Израиля». Только тех, кто получил помощь в Свияжске, насчитали 60 тыс., а в это число не входили вятские и пермские жители, уходившие другими дорогами...

Но и это была лишь часть! Отпустили далеко не всех. Все хозяйство богатых казанцев держалось на рабах. Владельцы надеялись обойтись формальностью, отпустить пару тысяч. А когда стало ясно, что царь всерьез решил освободить всех русских, настроения в ханстве резко переменились. Невольников прятали, сажали на цепь, отсылали в села. Росло возмущение, и Шах-Али отказывался искать пленных, на запросы Москвы отвечал: «Боюсь мятежа». Он местные нравы знал, его уже дважды свергали. Он надумал было упрочить свою власть, пригласил 70 представителей оппозиции на пир и приказал перебить их. Но ни к чему хорошему это не привело – на него озлобились и те казанцы, которые сначала были лояльными.

А между тем в события вмешались Крым и Турция. Хан Сахиб-Гирей в это время приказал долго жить, в Бахчисарае воцарился султанский ставленник Девлет-Гирей. Крымские и османские эмиссары поехали в Астрахань, к ногайцам. Один из ногайских князей доносил Ивану IV, что у них был посол из Стамбула Ахмед-ага, уговаривал вступить в союз, чтобы султану, «и Крыму, и Астрахани, и Казани, и нашим Ногаем соодиначиться и твою землю воевати». Агенты Девлет-Гирея и Сулеймана появились в Казани. Обещали, что скоро придут крымцы и турки, организовывали заговоры в городе, подбивали взбунтоваться местные племена, и их шайки принялись нападать на русских.

Становилось ясно, что Шах-Али долго не удержится. Но сколько же можно было повторять одно и то же, ценой русской крови сажать в Казани своих ставленников, которых завтра прогонят? Напрашивалось единственное решение – полное присоединение ханства. Сторонники такого варианта были и среди казанской знати. Жаловались царю на бесчинства Шаха-Али и просили взять город под собственное управление. Считали, что только так можно достичь мира и спокойствия. Для переговоров с ханом и мурзами в Казань дважды ездил Адашев. Но эту миссию он полностью провалил. Убеждал Шаха-Али впустить русские войска, но при этом предлагал убить противников Москвы, перепортить пушки и пищали, вывезти порох. Хотя, если впустить войска, зачем нужны были такие меры? А вдобавок Адашев заложил Шаху-Али князей, жаловавшихся на него государю.

Итог был плачевным. Шах-Али вывез лишь несколько пушек и небольшую часть пороха, убивать врагов поостерегся. Он боялся, что казанцы восстанут и прикончат его до прихода русских, и князя Микулинского, уже назначенного наместником Казани, дожидаться не стал. 6 марта 1552 г. он сбежал. И забрал с собой для охраны всех стрельцов. Но еще и решил свести счеты с теми жалобщиками, которые просили Ивана IV взять ханство под свою власть. Арестовал их и увез с собой – судиться с ними перед царем. Из-за обиды Шаха-Али и болтовни Адашева пророссийская партия в Казани оказалась обезглавленной! А крымская не дремала. Воспользовалась безвластием и взбудоражила народ. Кричали: русские идут, чтобы перебить все население, об этом говорил сам Шах-Али, и не зря же он сбежал. Полки Микулинского, прибывшие через день, нашли ворота запертыми.

Казанские вельможи начали морочить наместнику голову, уверяли, что взбунтовалась только чернь, и нужно подождать, пока получится ее уговорить. Хотя на самом деле верховодила знать. Заговорщики действовали четко и оперативно, а переговорами специально тянули время, потому что к Казани уже мчался астраханский царевич Ядигер с ногайцами.

Микулинский без толку простоял у города и двинулся назад в Свияжск. А казанцы внезапно ударили на пограничные казачьи «сторожи», смяли их. Ядигер прорвался и был провозглашен царем. Всех русских чиновников, купцов, военных, оказавшихся в Казани на момент переворота, и взятых в плен казаков вывели на площадь и казнили самыми зверскими способами.

Это был открытый вызов. Ханство преднамеренно отрезало себе путь к примирению и переговорам. В апреле в Москве было принято решение о походе. Многие воеводы предлагали, как и раньше, предпринять его зимой, когда замерзнут реки, болота. Иван Васильевич их планы отверг. Он успел изучить неудобства зимнего пути, капризы погоды. В Свияжске теперь имелаась база, куда тяжелые грузы можно было доставить по воде, и государь выбрал летнее время. Начался сбор полков в Кашире, Коломне, Муроме. А 16 июня после молебна в Успенском соборе к армии выехал и сам царь.

Но сперва пришлось скрестить оружие не с казанцами. Им и впрямь намеревались помочь Османская империя и Крым. Посылать к Казани войска было далеко и неудобно, однако существовал другой способ... Султан дал Девлет-Гирею артиллерию, янычар, и хан пообещал, что сумеет выручить вассалов. Поднял и бросил на Русь стотысячную орду. Выглядело это выгодным со всех точек зрения. Нападение будет внезапным, русская армия ушла на восток – можно вдосталь пограбить. А царю придется отзывать свои рати назад, вот и поход сорвется. Но неожиданности не получилось, об угрозе вовремя известили донские казаки.

Походы русских войск на Казань и завоевание Казанского ханства в 1552 г.

Иван Васильевич действительно успел отправить большую часть своих сил и артиллерию к Свияжску, но донесения о новом неприятеле воспринял спокойно и уверенно. Сказал: «Мы не трогали хана, но если он вздумал поглотить христианство, то встанем за Отечество, у нас есть Бог!» Царь немедленно привел в готовность те войска, которые у него оставались, – сторожевой, передовой полки, полк правой руки, собственную 20-тысячную дружину, и стал разворачивать их на юг. Татарские разъезды наткнулись на них, доложили хану, что на Оке много русских войск. Для Девлет-Гирея новость оказалась неприятной, и от сражения он решил уклониться. Повернул от Рязани западнее. 22 июня он подступил к Туле. Наместник Григорий Темкин доложил царю: «Хан здесь... имеет много пушек и янычар султанских». Узнав об этом, государь приказал воеводам спешно идти на помощь.

Тем временем Девлет-Гирей разослал несколько больших загонов разорять окрестности, а главные силы бросил на город. Турецкие батареи открыли бомбардировку калеными ядрами, загорелись дома, янычары полезли на приступ. А в Туле воинов почти не было, они ушли на Казань. Но на оборону вышли все жители. Отбивали атаки, тушили пожары. А на следующее утро увидели вдали тучи пыли и воодушевились. Кричали: «Государь спешит к нам!» И татары, узнав о приближении войск, побежали. А у горожан радость была так велика, что они все вместе, с женщинами, с детьми, кинулись преследовать врага! Многих перебили, захватили пушки.

К Туле прибыл не государь, а полк правой руки Щенятева и Курбского. Причем действовали воеводы не лучшим образом. Вместо погони сели праздновать победу с наместником и счастливыми жителями. Но один из татарских загонов, не зная об отступлении хана, на следующий день вернулся к городу, нарвался на русских и был разгромлен. А другие царские

полки погнали Девлет-Гирея и все же перехватили его на р. Шевроне, побили и освободили полон, который нахватали крымцы.

И только после победы над одним врагом стало возможным продолжить поход против другого. Правда, даже среди русских воинов некоторые сочли это слишком трудным. Возмущались новгородские дети боярские, заявляли, что они уже давно на службе, сражались, издержались и не готовы идти с войны на войну. Но Иван Васильевич обратился к ним не с опалами, не с угрозами. Он просто призвал добровольцев. Кто хочет вместе со своим царем постоять за христианство, пусть идет, а кто не желает, может оставаться. Новгородцы устыдились и пошли все. В июле русские рати по разным дорогам зашагали к Свияжску.

Эта крепость после переворота в Казани жила фактически в окружении. Соседние племена устраивали засады, нападали, обстреливали воинов. Добавилась цинга, унесшая много жизней. Но воевода Микулинский еще и распустил подчиненных. Через Свияжск возвращались на Русь женщины-полонянки, а казаки, и дети боярские были мужчинами бравыми, горячими. Понабирали себе «походных жен», в селах доставали хмельной мед, скрашивая тяжелую службу гулянками. Когда известия о падении дисциплины дошли до царя, он настолько встревожился, что подключил митрополита, и святитель Макарий направил к воинам специальное послание. Грозил церковной клятвой, указывал, что без Божьего благословения выиграть войну невозможно, а разгул и безобразия могут свести на нет все успехи.

И это были не пустые слова, не формальность. Божьей помощи придавалось особое значение. Готовили все силы, но разве мало было примеров в истории, когда огромные армии терпели поражения? В конце концов, была свежа память о прошлых казанских походах. Сейчас требовалось раз и навсегда покончить с гнойником напастей, несколько столетий терзавших Русь. Сама война считалась священной. Ратники шли вызволять из неволи своих братьев, избавить христиан от постоянно нависавшего над ними страха. С армией везли чудотворные иконы, знамя св. Дмитрия Донского, которое было с ним на Куликовом поле.

Дорога на фронт самого царя напоминала паломничество. Во Владимире он поклонился гробницам святых Александра Невского, Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо с сыновьями. Во время молебна у мощей св. Александра Невского у одного из приближенных царя, Аркадия, исцелилась больная рука, и это сочли добрым предзнаменованием. В Муроме Иван Васильевич приложился к мощам св. чудотворцев Петра и Фефронии, св. князя Константина с чадами его. Даже в пути неукоснительно проводились все церковные службы. Часть похода выпадала на Успенский пост. Обычно ратники во время войны разрешались от постов – теперь он строго соблюдался.

Однако царь не упускал и обязанностей военачальника. Объезжал полки на марше, осматривал оружие, людей. Прямо в дороге он ввел в армии еще одно новшество. Раньше было принято, что дети боярские в каждом уезде выбирали из своей среды «городовых приказчиков». Они формировали отряды и командовали ими. Но эти отряды получались разной численности. Чтобы упорядочить управление войсками, царь повелел расписать поместную конницу на сотни, а для руководства сотнями ввел новый чин «голов».

К Свияжску русская знать заранее отправила собственные суда с припасами, слугами, купцы в ожидании воинов навезли сюда множество товаров, весь берег превратился в подобие ярмарки. Но царь, увидев это, сразу понял, насколько пагубным и расхолаживающим может быть отдых среди такого изобилия. Запретил прибывающим войскам устраивать стоянки и велел немедленно перевозить их за Волгу. Ну а изменившие местные племена, когда царские полки появились под Свияжском, очень быстро одумались. Прислали к Ивану Васильевичу старейшин, винулись, что выступили против русских. Что ж, государь их простил, послов принимал ласково. А чтобы оправдать доверие, черемисы и чувашаи вышли чинить дороги, строить переправы, прислали 20 тыс. воинов.

Прибыли к царю и вольные казаки. В одной донской песне взять Казань Ивану Грозному помогает Ермак Тимофеевич. Но это фольклорная фантазия более поздних времен. А в начале XVII в. на Дону еще помнили подлинные события и писали: «В которое время царь Иван стоял под Казанью, и по его государеву указу атаманы и казаки выходили с Дону и с Волги и с Яика и с Терека». А возглавил их атаман Сусар Федоров. Отсюда еще раз видно, что казаки разных рек были связаны между собой. И что Москва, несмотря на дипломатические отговорки перед татарами, поддерживала с ними прочные контакты. Они прибыли «по государеву указу», знали, когда и куда нужно явиться.

Всего под Казанью собралось 150 тыс. ратников. Иван Васильевич не желал кровопролития. Обратился к хану Ядигеру и казанской знати, требуя выдачи только виновников мятежа, а остальным гарантируя безопасность. Но казанцы сочли, что сумеют продержаться. Укрепления города были мощными, в нем находилось 30 тыс. своих воинов и 3 тыс. ногайцев, было много пушек. А конный корпус князя Епанчи расположился под Арском, чтобы нападать на тылы осаждающих. Вельможи подбадривали народ: «Не в первый раз увидим московитян под стенами, не в первый раз побегут назад, и будем смеяться над ними!» А царю прислали демонстративно грубый ответ – поносили и его, и Россию, и Православие.

К 23 августа все полки заняли исходные рубежи. Чтобы окружить город и начать осаду, царь построил их, отдал приказ – наступать организованно, не увлекаться, самовольно в бой не вступать. Перекрестился на образ Спасителя на знамени св. Дмитрия Донского и дал команду: «О Твоем имени движемся!» По намеченному плану войска с разных сторон пошли к крепости. Казанцы попытались обмануть. Не стреляли и не показывались на стенах, будто город вымер. Внезапно из ворот с криком вырвались 15 тыс. татар и ударили на авангард – 7 тыс. казаков и стрельцов. Но они не дрогнули, не позволили себя смять. Сомкнулись, кое-как сдерживая напор. Царь бросил им подкрепление, отряды детей боярских, и врагов загнали обратно в крепость. Остальные полки четко выполнили приказ: в бой не вступать и строй не ломать, чтобы рать не превратилась в толпу. Продолжили движение и встали на намеченных позициях.

Начали окапываться, строить батареи. За несколько дней Казань окружили полевыми укреплениями, турами и тарасами. Казаки захватили каменную Даярову баню у самых стен. Защитники всеми силами старались срывать осадные работы, днем и ночью совершали вылазки. То на одном, то на другом участке закипали жаркие схватки. А из лесов атаковала конница Епанчи. Перекрыла дороги, мешала снабжению, высматривала и обрушивалась там, где русские потеряли бдительность. Все это изматывало людей. Ели и спали урывками, находились в постоянном напряжении. Сам царь то и дело садился на коня, направляя своих дружинников на выручку частям, подвергшимся нападению.

На военном совете решили провести отдельную операцию, расчистить тылы. Перед Арским лесом выпустили небольшие отряды для приманки, татары клюнули, налетели на них. Ратники побежали, заманивая врага до обозов. А 30 тыс. конницы и 15 тыс. пехоты под командованием князя Горбатого-Шуйского, скрытые за горой, вышли неприятелю в тыл, отрезая от леса. Воинство Епанчи перебили и перерубили. Несколько сот пленных царь велел привязать к кольям перед стенами Казани, чтобы они умолили горожан сдаться. Глашатаи объявляли, что Иван Васильевич обещает пленным свободу, «а вам прощение и милость, если покоритесь ему». Но казанцы сами расстреляли из луков своих собратьев... Чтобы окончательно обезопасить тылы, Горбатый-Шуйский совершил рейд в глубь ханства, захватил Арское укрепление – базу Епанчи. Ратники пригнали стада трофейного скота, привезли обозы продовольствия, освободили тысячи невольников, находившихся в сельских имениях казанцев.

Упорную борьбу пришлось вести не только обычным оружием. Осажденные мобилизовали и колдунов, которые несколько дней подряд вызывали проливные дожди над рус-

ским войском. В общем-то, ничего сверхъестественного в этом нет. Среди знахарей издревле существуют подобные методики, в наше время такие опыты неоднократно фиксировались, демонстрировались в фильмах. Но тогда они доставили много неприятностей. По совету духовенства Иван Васильевич отправил курьеров в Москву, и на перекладных привезли Честной Крест, входящий в царские регалии, – с частицей Креста, на котором был распят Господь. Им иереи соборно освятили воду, провели крестный ход, и чародейские методы перестали работать.

Русские постепенно приближались к стенам окопами и траншеями. Умелый инженер дьяк Выродков руководил работами, все теснее обкладывая город. В некоторых местах позиции подошли вплотную к стенам, там разгорались рукопашные. Отлично действовала и артиллерия под командованием боярина Морозова, метко поражала цели. От перебежчиков узнали, где в Казани расположен источник воды. Воины во главе с литвином Розмыслом (это не имя, а прозвище – «инженер») сделали подкоп от Даяровой бани, занятой казаками, и взорвали источник миной. Однако и это не подтолкнуло защитников к сдаче. Они нашли другой ключ, с плохой водой, но он позволял держаться. Применили еще один способ. Построили высокую передвижную башню, установив на ней 10 больших и 50 средних орудий. Ночью ее придвинули к городу, с нее простреливались стены и улицы, были сбиты все тяжелые пушки врага. Но казанцы укрывались в ямах, окопах, отвечали из легких орудий...

Царь представлял, каких жертв будет стоить приступ. Несколько раз повторял предложение капитулировать. Нет, противники не внимали. Их надежды были очевидны: дотянуть до холодов, дождей, и русским придется снять осаду. Но ведь и русские знали, что несет с собой осень. Чтобы все труды и потери очередной раз не стали напрасными, оставалось только штурмовать. В трех местах рылись подкопы и закладывались мины. Первый, пробный взрыв 30 сентября снес часть стены. Воины ворвались в пролом, завязалась рубка. Но к общей атаке армия была еще не готова, и царь приказал отступить. Стрельцы и казаки, захватившие Арскую башню, уйти отказались. Укрепились и передали своим: «Здесь будем ждать вас».

Иван Васильевич щадил людей и сделал последнюю попытку избежать штурма. Уж теперь-то казанцы должны были понять, что обречены. Предлагая сдаться, царь требовал только выдачи главных изменников и выполнения прежних договоров. И снова последовал отказ. Обороняющиеся упрямо заделывали проломы, у захваченной башни ставили новую стену из срубов. Лишь после этого царь объявил, чтобы воины готовились «пить общую чашу крови». Перед приступом все должны были исповедаться, причаститься. Он был назначен на 2 октября, на следующий день после праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Войска изготовились. А Иван Васильевич, отдав все необходимые распоряжения, стоял в церкви на литургии. Когда прозвучали слова Евангелия «да будет едино стадо и один пастырь», прогремел страшный взрыв. А на словах: «Еще молимся Господу Богу нашему помиловать государя нашего, царя Иоанна Васильевича, и покорит под нозе его всякаго врага и супостата» – громыхнул второй.

Над Казанью поднялись тучи дыма, пыли, обломков. Полки ринулись вперед, захватили стены. И чуть не произошло беды. Войска растеклись по улицам, и боярские дружины кинулись грабить. Мало того, чтобы поживиться казанскими богатствами, знать послала в город целые отряды своих обозных слуг и холопов. А защитники, организовавшись, нанесли контрудар. Те же слуги в ужасе побежали, заражая паникой других воинов. Иван Васильевич, увидев это, поскакал к воротам и сам встал перед ними со знаменем в руках. Видя царя, ратники останавливались, приходили в себя, собирались вокруг него. А он приказал спешиться половине своей дружины и бросил в город 10 тыс. свежих отборных бойцов. Присоединились те, кто только что бежал, и в битве наступил перелом. Татар опрокинули и отшвырнули. Тем не менее продолжалась жесточайшая рубка. Русские были озлоблены дол-

гим и упорным сопротивлением, смертью товарищей. Но и татары дошли до остервенения, в плен не сдавались. Большинство мужчин погибло. Около 5 тыс. вырвались и ушли в леса.

Пала не только крепость. Пало Казанское ханство. Царь приказал тушить пожары, расчищать развалины. Он въехал в город на следующий день. Встретили его толпы русских, которых все еще удерживали в рабстве, и государь жалел их, приказал отвести в лагерь, приютить и кормить со своего стола. На улицах лежали груды мертвых. Иван Васильевич плакал, глядя на погибших соратников, но тужил и о казанцах, говорил: «Они не христиане, но подобные нам люди». Город освятили, служили молебны, и государь собственноручно водрузил крест на том месте, где он наметил строительство собора в честь Благовещения.

А потом был пир. Для всех – царь чествовал и воевод, и рядовых воинов, называл их достойными потомками витязей Дмитрия Донского. Отдал им все трофеи и пленных, а о себе пояснял: «Моя корысть есть спокойствие и честь России». С побежденными он обошелся милостиво. Простил взятого в плен Ядигера, жителям казанского края гарантировал мир и безопасность, назначил платить такие же налоги, какие они платили хану. Кстати, как раз с этого времени пошло выражение «сирота казанская». Многие местные дети потеряли родителей, и их отдавали в русские семьи. Царь повелел, чтобы о них заботились как о собственных детях, для этого опекунам назначалось пособие от казны.

Казанская война имеет важное значение и в истории казачества. Казаки отлично проявили себя в осаде, первыми ворвались в город, и за это Иван Грозный пожаловал им в вечное владение Тихий Дон со всеми притоками. Увы, царская грамота не сохранилась. Но казаки о ней всегда помнили. И именно в связи с Казанским взятием Покров Пресвятой Богородицы стал почитаться у казаков особенным праздником. Общим – ведь в этой войне впервые выступили вместе донские, терские, волжские, яицкие казаки. Выступили в составе русской армии. А значит, эту дату, 2 октября 1552 г., наверное, правомочно рассматривать как дату рождения российского казачества.

Глава 4

Победа за победой

Взятие Казани чрезвычайно повысило авторитет России, хотя сказалось это двояким образом. Одни соседи теперь собирали силы против нашей страны – другие потянулись к ней. На сторону царя перешла часть ногайцев князя Исмаила. В конце 1552 г. прибыло посольство с Кавказа. Крымский хан Девлет-Гирей всю теснил черкесов и кабардинцев, и князя Машук, Иван Езболоков и Танашук попросили взять их землю под «государеву руку». В посольстве участвовали и гребенские казаки.

Грузии приходилось еще хуже. Она распалась на несколько государств, самостоятельной силы не представляла и стала полем боя между турками и персами – ее разоряли и те и другие. И грузины тоже прислали делегатов к Ивану Васильевичу, просились под его власть. В Москве появились послы Бухары, Хорезма. После того как заглох Великий шелковый путь, для них была жизненно важной торговля по Волге. Прежде они сбывали товары в Казани, сейчас стали договариваться с русскими. Что ж, Россия тоже была заинтересована в торговле. Средняя Азия производила парчу, хлопчатобумажные ткани, лучшую в мире бумагу, через нее шли индийские драгоценности, пряности.

Еще одно посольство стало для русских куда более экзотическим, чем ногайцы или бухарцы, – оно прибыло из Англии. При Эдуарде VI предпринимательство там весьма оживилось. Государством теперь верховодили «деловые» люди. Но если они круто грабили собственный народ, то за пределами страны не могли бороться с конкурентами. Ганза не пускала их в Балтийское море, итальянцы и турки – в Средиземное, Испания и Португалия монополизировали пути в богатые заокеанские страны. А русские поморы давно уже бывали в Англии. Известно, что они посещали эту страну при Генрихе VIII, в 1530-х гг. От них англичане знали о северных морях, и возникла идея найти собственную, новую дорогу в Китай.

Под эгидой короля была организована экспедиция Уиллоби из трех кораблей. Она отчалит весной 1553 г. Но условия навигации на Севере оказались для англичан непривычными. Одно судно погибло в буре, два других разнесло друг от друга. Уиллоби выбросило на пустынном берегу Лапландии. Русские рыбаки обнаружили его слишком поздно, командор и его экипаж погибли от цинги и холода. Капитану Ченслеру повезло гораздо больше. Его занесло в Белое море, в район оживленного судоходства, поморские моряки заметили терпящий бедствие корабль и привели к устью Двины.

Холмогорский наместник помог англичанам, выделил продукты и отправил их к царю. Британцы были поражены изобилием земли, по которой их везли. Отмечали «много богатых деревень», оживленные пути сообщения – каждый день насчитывали 700—800 саней с хлебом, рыбой и другими товарами. А уж Москва вообще ошеломила гостей. Писали, что она «больше, чем Лондон с предместьями», в ней «много прекрасных каменных церквей», восторгались «беспримерным» великолепием царского двора, роскошными приемами, блестящей обстановкой. По сравнению с серенькой Англией это и впрямь впечатляло. Иван IV радушно принял мореходов. Ему вручили грамоту Эдуарда VI, адресованную «всем север-

ным и восточным государям» с просьбой оказать содействие экспедиции. Царь согласился установить дипломатические связи с Англией, разрешил торговлю. По его приказу британцам помогли починить корабль, снарядиться в обратный путь, и они отплыли на родину.

Ченслер не забыл отметить и могущество нашей страны. Указывал: «Если бы русские знали свою силу, никто бы не мог соперничать с ними, а их соседи не имели бы покоя от них». Уж наверное, русские знали свою силу получше, чем заморские гости. Но, в отличие от западных держав, применяли ее только тогда, когда без этого нельзя было обойтись. Однако и мир сохранить удавалось далеко не всегда...

Новый виток борьбы за Казань принял крайне ожесточенный характер. Весной 1553 г. усмирение мятежных племен было сорвано болезнью царя и боярским бунтом. А летом поступили известия, что Девлет-Гирей собирает орды крымцев, царь вывел полки на Оку. Но хан в прошлом году получил основательную трепку и, когда узнал, что его снова готовы встретить, набег отменил. Вместо этого направил посольство договариваться о «дружбе». Уже и о претензиях на Казань не упоминал, требовал лишь «богатых даров». Иван Васильевич отверг и эти поползновения, ответил без обиняков: «Мы дружбы не покупаем».

Тем не менее, даже несостоявшийся набег нанес России огромный вред. Главным силам армии пришлось до осени стоять на Оке, в Казань послали только подкрепления. Мятежники получили в свое распоряжение целый год! Они уверялись в безнаказанности, укреплялись строительством городков, вторгались на правый берег Волги. В бунт втягивались новые племена, соблазняясь возможностью пограбить и не платить подати. Царские рати смогли выступить на восток лишь в конце 1553 г., по зимнему пути. Полки Микулинского, Курбского, Шереметева, Данилы Адашева (брата царского приближенного) обрушились на враждебные племена на Каме, войско Мстиславского и Глинского – на луговую черемису.

Война шла в суровые морозы, одерживались победы, брались укрепления, горели мятежные селения. Но привести край к повиновению не получалось. Противники рассеивались по лесам, а затем собирались снова. Арская земля и луговая черемиса несколько раз приносили присягу, а когда полки уходили, резали оставленных у них воинов и чиновников, провозглашали новых «царей». Усугубляли положение сами воеводы. Методы Ивана Васильевича – сочетания грозы и ласки, переманивания неприятелей на свою сторону – были отброшены. Громили всех подряд, казнили пленных, грабили подчистую (впрочем, зимой без грабежей нельзя было прокормить ратников). А это вызывало ответное озлобление.

Но главной причиной, мешавшей погасить бунт, была внешняя поддержка. Турецкие и крымские эмиссары привозили деньги, вели агитацию. Прибывали отряды воинов и становились центрами кристаллизации новых банд. Открытыми «воротами», через которые подпитывалась война на казанских землях, была Астрахань. Становилось ясно: чтобы достичь мира в Поволжье, надо взять под контроль и это царство. Астраханский хан Ямгурчей двурушничал и лгал. Объявлял себя союзником России, даже признавал себя вассалом царя, на самом же деле укреплял связи с Бахчисараем и Стамбулом, а когда султан пообещал ему покровительство, Ямгурчей осмелел и вообще отбросил маску дружелюбия, заточил в тюрьму русского посла.

Это стало поводом к войне. Царское правительство провело переговоры с союзными ногайцами, и Исмаил предложил поставить ханом своего родича Дервиша-Али. Иван Васильевич согласился. Почему бы и нет? Главное, чтобы был лояльным к России. Весной 1554 г. на Астрахань отправилось войско на судах во главе с Пронским-Шемякиным. По численности оно было небольшим, несколько тысяч, – на стругах значительные силы не разместить. Но рать состояла из отборных дворян царской дружины, стрельцов, вятчан. К операции привлекались донские и волжские казаки, и в победе они сыграли решающую роль.

Походы русских войск против Астраханского ханства в 1554 и 1556 гг.

Казачи под командованием атамана Федора Павлова собрались на Переволоке, ожидая прибытия судов. Но они обнаружили, что навстречу государеву войску выдвигается астраханское. Предупредили передовой отряд князя Вяземского, вместе с ним внезапно напали на неприятеля и разбили его возле Черного острова. Среди астраханцев возникла паника, хан бежал. Казачи и Вяземский погнались за ним, захватили пушки, царский гарем. Ямгурчей ускакал в Азов, а город сдался. В июле Пронский-Шемякин вошел в Астрахань без боя. На престол возвели Дервиша-Али. Он вместе с мурзами принес присягу Ивану IV, обязавшись платить дань в 40 тыс. алтын и 3 тыс. рыб. Русские получили право «безданно и безъявочно» заниматься рыболовством на Волге вплоть до Каспия.

Весть о падении Астрахани Иван Васильевич получил в Коломенском, когда с митрополитом и двором отмечал день своего рождения. И один праздник перешел в другой – звонили колокола, служились благодарственные молебны. Второе царство пало перед величием России! Пало без больших потерь, усилий, удалым казачьим набегом! Конечно же, государь щедро наградил победителей, пожаловал золотыми медалями. К нему привезли пятерых жен Ямгурчей, но их Иван Василиевич отдал Дервишу-Али, кроме младшей. Она в дороге родила сына, вместе с ребенком приняла крещение, а значит, стала «русской». И государь выдал новокрещеную Иулианию за дворянина Плещеева. В помощь Дервишу-Али в Астрахани был оставлен отряд казаков под командованием дворянина Тургенева. И они оказались очень кстати. Ямгурчей, получив помощь крымцев и ногайского князя Юсуфа, попытался вновь овладеть городом, но казаки его отразили и прогнали прочь.

Вся Волга перешла под контроль русских! Открылся путь для торговли со Средней Азией, Шемахой, Дербентом. В Россию поехали армянские и персидские купцы. Теперь наша страна выходила к Северному Кавказу. После того как горцы первый раз обратились к царю, к ним был направлен дьяк Андрей Щепотьев. Он объехал кавказские княжества, изучил обстановку, провел переговоры, принял присягу местных жителей. А в 1555 г. в Москву прибыло новое посольство от кабардинцев и гребенских казаков, дало «правду на всю землю».

Иван IV принял Кабарду в подданство. Стоит отметить, что царские чиновники знали давнюю историю кавказских народов. Под решение постарались подвести юридическую базу, и указывалось, что «черкасы» (кабардинцы) некогда являлись «холопами» тмутараканских князей, а когда их земля «отошла к нечестивым», «вселились в горы». Мы видим явное подтверждение версии о кубанских касогах, рассеявшихся в XIII в. под ударами Батыя. И еще любопытный факт: в документах XVI в. «черкасами» называли как кабардинцев, так и днепровских казаков. Но не донских, волжских или терских. Следовательно, в Москве в то время представляли разницу происхождения казачьих общин.

А предание гребенцов рассказывает, будто сам Иван Грозный побывал на Тереке и казаки выдвинули ему условие – сохранить их волю. Царь согласился и даровал им здешние земли за службу по охране границ. В действительности Иван Васильевич никогда на Кавказ не ездил. Очевидно, легенды сохранили память о визите Щепотьева или переговорах с царем в Москве. Но условия зафиксированы верно. Для кавказских народов подданство оставалось чисто номинальным, с них не взималось никакой дани, царская администрация не назначалась, сохранялось прежнее управление. Кабардинцы и казаки лишь брали обязательство защищать государевы владения, а за это получали покровительство России. Кроме того, послы просили прислать на Кавказ православных священников. Судя по всему, эту просьбу высказала казачья часть делегации (поскольку горцы еще долгое время исповедовали свои традиционные верования). Царь их пожелание выполнил, священников к ним направил.

После взятия Астрахани к Ивану IV обратился и сибирский царь Едигер. Его одолевали и громили властители Бухары – Шейбаниды, и Едигер просил помощи, соглашался признать себя вассалом царя и предлагал платить дань, по соболиной шкурке с человека в год. Естественно, государь ему не отказал. Но с данью получилась накладка. Количество подданных Едигер исчислял в 30 тыс. (имелись в виду главы семейств). Из Москвы направили в Сибирь сына боярского Курова, однако вместо 30 тыс. соболей ему дали 700. Хан заверял, что его страна разорена войной, не может выплатить больше. Правительство Адашева сочло это обманом, арестовало сибирского посла. Пошла переписка, переговоры. Наконец, вмешался сам царь, и было принято здоровое решение – не требовать дань в полном объеме. Да и как тут требовать? Сибирь – страна далекая, в подданство попросилась сама, может и передумать. Вот и пусть платит реальную цифру, тысячу соболей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.